

Василий Кузьменко

*Право Рима.
Марк Флавий*

Василий Кузьменко
Право Рима. Марк Флавий

«Издательские решения»

Кузьменко В.

Право Рима. Марк Флавий / В. Кузьменко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839978-7

«Почему личность Константина Великого представляет интерес для современного читателя? Причина заключается в том, что едва ли не все современные общественные институты в той или иной степени сформировались именно при нем. В его личности и деяниях сфокусировались все важнейшие достижения Древнего мира, и из этой точки свет их озаряет нашу историю. Без Константина американская конституция, парламент и события на площади Согласия были бы совсем другими». Джордж Бейкер

ISBN 978-5-44-839978-7

© Кузьменко В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава I	8
Глава II	26
Глава III	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Право Рима. Марк Флавий

Василий Кузьменко

© Василий Кузьменко, 2019

ISBN 978-5-4483-9978-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Холодный диск Луны освещал серебряным светом всю округу. Отряд всадников мчался на север по ровной римской дороге. Во главе отряда скакал Первый трибун Флавий Валерий Аврелий Константин, он торопился к своему тяжело больному отцу Констанцию Хлору, августу западной части Римской империи.

В 285 году император Диоклетиан принял новую систему управления Римской империей. Теперь у власти находились не один, а сразу два правителя. Они назывались августи и являлись старшими императорами, каждый из них должен был выбрать себе соправителя, которые назывались цезарями и были бы младшими императорами. Диоклетиан предполагал, что спустя двадцать лет правления августи отречатся от власти в пользу цезарей, которые, в свою очередь, также должны были назначить себе преемников. В том же году Диоклетиан выбрал себе в соправители Максимиана Геркулия, при этом отдав ему в управление запад Римской империи, а себе, оставил восток. Через восемь лет августи выбрали себе преемников. Одним из них и стал отец Константина, Констанций, бывший тогда префектом Галлии, место другого занял Галерий.

1 мая 305 года оба августи сложили с себя полномочия, и Констанций Хлор с Галерием стали полноправными правителями империи, первый на западе, а второй на востоке. К этому моменту Констанций был уже серьёзно болен, и Галерий надеялся на его скорую кончину. Почувствовав приближение смерти, Констанций пожелал видеть своего сына Константина, находящегося в этот момент, практически на правах заложника, в столице восточного августа в Никомедии.

Воспитываясь при дворе императора Диоклетиана, Константин получил хорошее образование. Участвуя в его военных компаниях, он зарекомендовал себя умным и бесстрашным военачальником. Константин рассчитывал на титул цезаря после отречения Диоклетиана от власти, но этого не произошло. Август Галерий, при дворе которого теперь служил сын Констанция, не желал отпускать Константина к отцу, так как боялся, что галльские легионы объявят его своим августом. Это не входило в планы императора, который стремился единолично править всей Римской империей, но после такого письма вынужден был согласиться. Однако, при этом, хотел задержать Константина в Италии, о чём на следующий день собирався письмом попросить верного ему цезаря запада Флавия Севера.

Константин, догадавшись об этом, отправился к отцу накануне вечером, по пути выводя из строя всех государственных лошадей на бесчисленных дорожных постах, чтобы исключить погоню. И вот теперь, проскакав на лошадях почти полторы тысячи миль, Константин подъезжал к месту своего назначения. Он и его верные воины спешили возле дворца в Булони. Его встретил друг отца легат Гай Тиберий.

- Как он, – спросил его на ходу Константин.
- Плох, но ждёт тебя, – ответил легат.
- Проведи меня к нему!
- Конечно, следуй за мной!

Константин нашёл отца лежащего на постели. Глаза его были закрыты. При этом, даже в очень слабом огне светильника, лицо его было ослепительно бледным, именно поэтому он получил прозвище Хлор. Константин, молча, смотрел на столь дорогого ему человека. Болезнь уже сделала своё дело. Вокруг глаз образовались тёмные круги, щёки впали. Внезапно отец открыл глаза и сразу узнал его:

– Константин, ты приехал, – император попытался улыбнуться, – я ждал тебя, – очень тихо произнёс он.

– Я приехал отец, – Константин присел возле него, оглянувшись, легат Гай Тиберий понимающе кивнул и вышел.

Отец говорил очень тихо, и Константину пришлось склониться к нему почти на грудь. Видимо уставая, он иногда замолкал, но отдышавшись, Констанций продолжал говорить ему свои напутственные слова. Сын внимательно слушал своего отца и кивал в знак согласия и понимания.

– Я понял, отец, я всё сделаю, – произнёс Константин, взяв его за руку.

– Я горжусь тобой мой мальчик, – отец с трудом сел и улыбнулся.

– Всё будет хорошо, отец, ты ещё поправишься, – Константин сглотнул внезапно показавшийся к горлу комок.

– Ещё повоюем, – Констанций закрыл глаза, затем сильно сжав его руку, открыл их и сказал, – иди Константин, легионы ждут тебя!

До хруста в зубах сжав челюсти, Константин встал и вышел из комнаты. За дверью его встретил Гай Тиберий.

– Константин, легионы ждут твоих приказов.

– Гай, мне не удалось его отговорить, отец идёт вместе с нами в Британию, – Константин слегка вздохнул, – дай все необходимые указания, утром мы выступаем.

– Я всё понял, – кивнул легат и вышел. Константин вернулся к отцу.

Утром август Констанций представил своим легионам, следующим для подавления мятежа пиктов, сына Константина Первого трибуна Римской империи, как своего преемника.

Переправившись через Ла-Манш, галльские легионы двинулись на север Британии. Соединившись в Йорке с британскими легионами римляне, под фактическим руководством Константина, разгромили пиктов, загнав варваров обратно за вал Адриана (совр. Шотландия). Констанций был очень слаб и почти всю экспедицию провёл в повозке, но с большим участием давал сыну весьма полезные советы. Однако легионеры сами смогли по достоинству оценить личную храбрость и тактическую смекалку молодого генерала. На обратном пути, в Йорке, август западной части Римской империи Флавий Валерий Констанций Хлор скончался. Легионы объявили Константина своим императором. Оставив в Йорке британские легионы, Константин с галльскими легионами и телом отца вернулся в Булонь.

Глава I

Древний Рим. Римская империя – могущественное государство, говоря современным языком супердержава, которая просуществовала много столетий и оставила нам огромное наследие, во всех сферах нашей жизни, которым мы все, ныне живущие, пользуемся, порой даже не подозревая об этом, и самым главным наследием стало – римское частное право. Но в те далёкие времена существовало ещё одно, публичное право, и оно называлось – Право Рима.

Четвёртый век нашей эры. Рим. Центурион Марк Флавий, молодой римлянин, тридцати лет от роду, помощник претора в суде, ждал Лукрецию. Она приходила к нему в дом, который он снимал в нижней части Аргилет в Риме, и оставалась до утра. Её муж Аллий Гней больше любил мужчин, но был добрым человеком, поэтому не возражал, если иногда его жена не приходила ночевать домой. Марку нравилась эта молодая женщина с каштановыми волосами и удивительно красивыми карими глазами. Они познакомились в книжной лавке. Она была в синей тунике, стройная и вся светилась каким-то непонятным светом. Женщина спросила свиток Тита Лукреция Кар «О природе вещей». Ещё не зная её имени, Марк пошутил, что у каждой Лукреции, есть свой Лукреций. Она так посмотрела на него, что Марк смутился. Женщина это заметила, и сама заговорила с ним. Оказалось, что её действительно зовут Лукреция, и теперь она над ним пошутила, намекнув на его военную одежду, что никогда прежде не встречала солдат в книжной лавке. Марк ответил, что пришёл купить свиток стихов его любимого поэта Гай Валерия Катулла. Теперь Лукреция смутилась, покраснела, и тихо сказала, что Катулл её любимый поэт. Они вышли из лавки и прогулялись до Форума. Марка поразило в ней огромное желание разобраться в таком сложном труде «О природе вещей», в котором он сам ещё не всё понял. Они договорились встретиться, так она стала приходиться к нему домой. Марк поставил на столик блюдо с фруктами и улыбнулся, вспомнив, как у них всё началось. Во второй её визит, Марк между их разговорами о труде Тита Лукреция неожиданно прочитал стих Катулла:

*Милый птенчик, любовь моей подружки!
На колени с тобой играет
И балует она милый пальчик
Подставляя для яростных укусов
Когда так моя прелесть, жизнь отрада
Забавляется бог весть как смеётся,
Чтоб найти утишеньце в заботах,
Чтобы страсть (знаю страсть!) не так пылала,
Тут и я поиграть с тобой хотел бы,
Чтоб печаль отлегла и стихло сердце.*

У Лукреции, пока он читал, начала вздыматься грудь от частого дыхания, она покраснела и когда он прочитал последнюю строчку, Лукреция встала и сбросила с себя тунику. Её возбуждённые соски расстреливали Марка в упор, поэтому он просто задул светильник. Лукреция не дала ему уснуть до самого утра.

Марк нарезал хлеб и положив его в плетёную корзинку поставил её на столик. Вообще с Лукрецией ему было очень легко. Они оба ненавидели рабство и любили поэзию. У Марка не было рабов. Небольшой дом, в котором он жил, Марк содержал сам. В доме Лукреции жили

рабы, но хозяйка была очень добра с ними, и они отвечали ей тем же. Каждый раз, два здоровенных раба добровольно сопровождали её к нему в дом с факелами. И хотя Лукреция жила всего в пятистах шагах от него, на улицах Рима с наступлением темноты было очень опасно. Раздались голоса, и в полупрозрачном окне Марк увидел свет факелов, это пришла Лукреция.

Он встретил её на пороге. Рабы ушли, с тем, чтобы вернуться за ней перед самым рассветом. Лукреция бросилась к нему на шею. Они долго и жарко целовались. Потом задохнувшись, прошли в комнату. Лукреция присела на кушетку, рядом с которой стоял столик с их скромным ужином. Оторвав несколько виноградин, она спросила:

– Марк, что мы сегодня будем читать?

– Я приготовил для нас небольшой отрывок, – он подошёл к шкафчику, в котором лежали приобретённые им свитки, взял один из них и прочитал:

*Ты же теперь напряги свой слух и свой ум прозорливый
Освободи от забот, достоверному внемля ученью,
Чтобы дары, приносимые мной с беспристрастным усердьем,
Прежде чем их оценить, с презрением прочь не отринул.
Ибо о сущности высшей небес и богов собираюсь
Я рассуждать для тебя и вещей объясняю начала,
Всё из которых творит, умножает, питает природа
И на которые всё после гибели вновь разлагает,
Их, объясняя их суть, материей мы называем
И для вещей родовыми телами обычно, а также
Их семенами вещей мы зовём и считаем телами
Мы изначальными, ибо началом всего они служат.*

– И о чём здесь говорится, – спросила Лукреция.

– Я думаю о том, что это мир создали не боги, он существует помимо их воли.

Лукреция задумалась, затем спросила:

– Тогда кто всё это создал?

– Получается, что мир существует сам по себе.

– Как всё сложно, слушай, а что ты знаешь о христианстве?

– Пока очень мало, странная новая религия.

Лукреция опять задумалась, и по её прекрасному личику побежали тени.

Марку всё нравилось в этой женщине, как она говорит, как смотрит, её запах, её мягкие губы, её упругая грудь и ягодицы, и то, как она стонет.

– Мне кажется, что мой муж теряет мужественность и становится проникаемым, а значит, у нас никогда не будет детей, – сказала она, глядя в сторону. Марк со вздохом произнёс:

– Мне никогда не нравилась эта греческая любовь мужчин друг к другу, – подумав немного, он добавил, – на мой взгляд, свою мужественность мужчина должен доказывать женщине.

– И у тебя это неплохо получается милый, – сказала Лукреция, снимая тунику.

Марк задул светильник, и они погрузились в сладострастие до утра.

Марк проснулся от того что шаловливы руки Лукреции опять вернули ему силы. Она была ненасытна. Уже пришли за ней рабы, но Марк отпустил её только после стонов.

Лукреция тихонько проскользнув в спальню, сладко потянувшись, решила немного поспать. Уже второй месяц она не смазывала себя старым оливковым маслом перед встречами с Марком, и сегодня он опять изливался в неё, она ему сама разрешила, такая маленькая жен-

ская хитрость. Лукреция улыбалась. Ей так хотелось иметь ребёнка и пусть он лучше будет от этого красавца с небесно голубыми глазами центуриона Марка, чем от мужа. А когда родится ребёнок, муж возьмёт его на руки, чтобы показать свою мужественность, это значит, признает ребёнка своим. С этими мыслями она уснула.

Проводив Лукрецию, Марк разделся и прыгнул в небольшой бассейн у себя в доме. Он не любил посещать общественные термы, хотя иногда бывать в них было весьма полезно, порой там бывали сенаторы и другие чиновники высокого ранга. Тогда между ними возникала полемика по различным вопросам государственного устройства и вообще о механизме государственного управления столь великой империей.

Сразу после кончины отца, отдав все необходимые распоряжения по его кремации, Константин написал письмо своей матери, сообщив о смерти её мужа. Так же он попросил её приехать в Тревир (Трир), где по просьбе отца и собирался захоронить его останки. Затем Константин написал письмо своей возлюбленной:

«Минервина, счастье моё, в моей жизни наступают нелёгкие дни, и я хочу, что бы в этот тяжёлый час, ты, любовь моя, была со мной рядом вместе с нашим сыночком Криспом. Приезжай вместе с моей мамой в Тревир, как только сможешь, я напишу августу Галерию, чтобы с его стороны вам не чинили каких-либо препятствий. До скорой встречи любимая, всегда твоя, Константин!».

После этого Константин приступил к написанию самого сложного письма Галерию, восточному августу Римской империи. Он долго ходил по комнате, вспоминая последний разговор с отцом и размышляя о своём будущем. Выполнить все, о чём напутствовал его отец, было крайне сложно, ведь пока он оставался в одиночестве в этой сложной системе государственного управления огромной Римской империей. Для исполнения всего задуманного ему нужны были союзники, но на политическом горизонте Константин пока их не видел. Поэтому в письме Галерию, он просто сообщил о смерти отца и снял с себя всю ответственность за то, что легионы назвали его своим императором. Константин сообщил, что остаётся в полной мере исполнять обязанности префекта Галлии и в обозримом будущем не собирается покидать свою резиденцию, за исключением случаев необходимых для защиты дальних рубежей Римской империи от набегов варваров. Он так же попросил не препятствовать приезду к нему в Тревир, его жены Минервины с сыном Криспом, и матери Елены.

Освежившись, Марк оделся, позавтракал куском хлеба, запил его водой и пошёл на службу. Идти было недалеко, и Марк наблюдал, как просыпался этот великий город. Лавочники начинали открывать свои лавки и стали зазывать покупателей. Первыми открылись хлебные, возле них уже стояли «булочницы» – самые дешёвые проститутки в Риме. Их лица были намазаны белой мукой. Марк никогда не прибегал к услугам проституток. Он был для этого слишком брезглив. У Марка иногда случались короткие романы с замужними женщинами, но вот Лукреция заняла в его жизни некое особое место, он даже пока не понимал, какое именно. Перешагивая через нечистоты, продвигаясь по очень узким, не более десяти футов улицам, он дошёл до здания суда. Марк, начиная службу легионером, побывал в экспедиции в Дакии, затем принимал участие в персидском походе под командованием императора Диоклетиана, там он дослужился до звания центуриона. Марк не тяготился военной службой, но больше тянулся к знаниям, и поэтому решил перевестись в Рим, где он родился и вырос. В Риме он мог бы пользоваться услугами огромных библиотек. С помощью знакомых сенаторов знавших его отца ему удалось устроиться служить в преториат Рима, а это было даже повышением в должности. Марк считал, что ему очень повезло, оставаясь на военной службе, он мог читать и получать новые знания.

Приветствуя знакомых и здороваясь с незнакомцами, Марк прошёл на своё рабочее место. Он начал разбирать бумаги. В первой гражданин Рима сообщал, что прошлой ночью обнаружил у себя в доме грабителя с оружием в руках. Грабитель был убит на месте. Марк написал формулу решения дела для судьи, в соответствии законами «Двенадцати таблиц» гражданин Рима имел на это право. Далее ещё одно дело о дневном воришке. Марк опять написал формулу решения дела. Дневного воришку продать в рабство. Следующие два дела были более сложными, они касались имущественных прав граждан. Марку пришлось полистать законы и хорошенько подумать, но всё же он нашёл формулы для решения и этих дел. Бумаги были переданы судьям, и на этом его рабочий день был закончен. Марк зашёл к претору. Они были вместе в Персидском походе и оба стали центурионами, только претор Клавдий Валерий был старше Марка на пять лет и это собственно он и позвал его к себе на службу. Поговорив с ним по-приятельски некоторое время, Марк вышел на улицу. Лукрецию он сегодня не ждал, поэтому купив в лавке немного копчёного мяса, Марк направился к себе домой. Дома он освежил себя в бассейне, потом второй завтрак и Марк опять взялся за свитки. Как ни одна другая книга, книга «О природе вещей» заставляла его думать, он прочитал:

*В те времена, как у всех на глазах безобразно влачилась
Жизнь людей на земле под религии тягостным гнётом,
С областей неба главу являвшей, взирая оттуда
Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу,
Элин впервые один осмелился смертные взоры
Против неё обратить и отважился выступить против.
И ни молва о богах, ни молнии, ни рокотом грозным
Небо его запугать не могли, но, напротив, сильнее
Духа решимость его побуждали к тому, чтобы крепкий
Врат природы затвор он первый сломить устремился.
Силою духа живой одержал он победу, и вышел
Он далеко за предел ограды огненной мира,
По безграничным пройдя своей мыслью и духом пространствам.
Как победитель, он нам сообщает оттуда, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
Так, в свою очередь, днесь религия нашей пятою
Попрана, нас же самих победа возносит до неба.*

Марк, лёжа на кушетке задумался. В этой главе Тит Лукреций Кар утверждал, что человек живя на земле, всё делает сам, своим духом и решимостью, а не боги или этот новый бог Христос. Поэтому Марк не торопился принимать христианство, во всяком случае, пока христианство не станет государственной религией, потому что, как всякий молодой римлянин, Марк мечтал о военной или государственной карьере. Он очень много читал, даже в походах у него всегда были собой свитки. Марк знал, что за глаза его называли «библиотекарь», но он не обижался. Была ещё одна природная способность, которой он успешно пользовался. Марк очень быстро схватывал суть языков других народов, поэтому он в военных походах и в обычной жизни часто становился толмачом.

Начинало темнеть, по улицам Рима загрохотали повозки, которым было разрешено передвигаться только по ночам. Лавочники начали пополнять свои запасы. Марк, отложив в сторону свиток, решил немного перекусить. Нарезав себе мяса, хлеба и прихватив кувшин с разбавленным красным вином, он вернулся к столику. Ужиная, Марк подумал о Лукреции

и заскучал. Он очень быстро привык к ней. С мыслями о Лукреции Марк задремал. Его разбудил громкий стук в дверь.

Марк подошёл к двери и спросил:

– Кто там?

– Центурион Марк Флавий вас срочно вызывает претор, – раздалось из-за двери.

– Хорошо, я сейчас, только оденусь, – ответил Марк.

Если его вызывают среди ночи, значит не просто так, поэтому он надел красную центурионскую тунику, поверх неё посеребрённый чешуйчатый панцирь, красный плащ, взял свой шлем с поперечным гребнем, круглый щит и короткий меч, испанский гладиус, немного подумав, он сунул под панцирь свиток «О природе вещей». В полном снаряжении Марк вышел из дома. Четверо солдат с факелами ждали его недалеко от крыльца.

– В чём там дело? – спросил он у триария из преторской когорты.

– Не знаю, письмо из Сената, претор попросил вызвать вас, – ответил седой ветеран.

– Тогда пошли, – кивнул Марк.

С трудом пробираясь по улицам Рима, среди многочисленных повозок Марк с солдатами вскоре добрался до преториата. Его встретил претор со словами:

– Марк, пришло письмо из Сената, легат Первого Иллирийского легиона Сервий Публий Квинт попросил для подкрепления центурию и просит тебя назначить командиром.

– Почему именно меня? – удивился Марк.

– Не знаю, в Нижней Паннонии вроде всё спокойно, думаю, ему просто нужен офицер, разбирающийся в языках варваров, а ты у нас известный лингвист.

– Тогда понятно, и как мне туда теперь добираться? – спросил Марк.

– Тебе немедленно надо прибыть в Канны, там, на корабли уже грузится твоя центурия.

– Ясно, – кивнул Марк, – я так понимаю, что это не меньше чем на полгода?

– Да кто его знает, – пожал плечами претор, – лошадей возьмёте в конюшне, этот триарий с солдатами тебя и проводит, – сказал ему претор Клавдий Валерий на прощание. Марк кивнул и вышел. Получив лошадей, Марк сказал солдатам, что ему надо заехать в одно место буквально на пять минут. Уже светало, Марк направился к дому, где жила Лукреция. Он попросил триария вызвать жену хозяина дома Аллия Гнея, Лукрецию. Триарий понимающе улыбнулся. Солдаты спешили и отошли в сторону. Марк, спрыгнув с лошади, остался ждать Лукрецию в шагах пятидесяти от дома.

Лукреция проснулась от стука в дверь. Она слышала, как рабы открыли дверь, затем муж вышел из своей спальни и прошёл к двери. Потом он вернулся и постучался к ней:

– Лукреция, там солдаты, тебя вызывают к претору, ты что-то натворила? – взволнованно спросил муж. У Лукреции ёкнуло сердце: «Что-то случилось с Марком!». Она встала, быстро оделась и вышла, глядя на испуганного мужа, коротко бросила ему: «А может это ты вчера не того мальчика попробовал?».

Муж молча скрылся в своей спальне. Лукреция вышла из дома. Марк стоял возле лошади, и улыбаясь смотрел на неё. Лукреция с тревогой на лице подошла к своему возлюбленному.

– Что случилось?

– Лукреция, меня вызвали на военную службу в Нижнюю Паннонию.

– Надолго?

– Не знаю, на полгода или год.

Лукреция потянулась к нему, они страстно поцеловались, потом Марк вскочил на лошадь.

– До скорой встречи Марк! – помахала ему рукой Лукреция.

– Лукреция, на моём доме висит значок претора, воры не залезут, но ты всё же забери все свитки, пусть они хранятся у тебя, до моего возвращения, – громко сказал Марк и, прищипнув коня, вместе с солдатами, поскакал к воротам Рима.

– До встречи, – помахала ему вслед Лукреция и опустив голову пошла к своему дому, потом оглянулась, и её женское сердце шепнуло, что встреча с любимым будет не скорой, если будет вообще.

С рассветом повозок стало меньше, поэтому Марк с солдатами довольно быстро выбрался из города. Далее они поскакали по мощёной камнем римской дороге в сторону Канн. К вечеру они были уже в порту, найдя свою центурию, Марк отпустил солдат претора и занялся службой. Он попросил временного центуриона построить центурию. Центурион представил солдатам их нового командира. В этой центурии было больше солдат, чем обычно и все они были опытными воинами. После этого Марк быстро вник в дела. В его распоряжении оказалось три триремы. В одной разместились солдаты его центурии, в двух других были продукты и различная военная амуниция. Погрузка закончилась, и утром подняв по два паруса и спустив вёсла на воду, корабли направились на противоположный берег Адриатического моря в один из портов Далмации. Через двое суток суда уже разгружались в порту. По окончании разгрузки Марк построил своих солдат и вместе с обозом двинулся вглубь этой римской провинции. Марк и его офицеры были на лошадях, остальные легионеры двигались в пешем строю. Отряд растянулся на целую милю, но шли быстро. Римские воины славились тем, что, пройдя даже 60 миль в полном боевом снаряжении, были способны вступать в бой с противником. Находясь впереди отряда, Марк периодически вступал в разговоры с конными полицейскими нарядами римского гарнизона провинции. Пройдя её, отряд Марка вошёл в следующую римскую провинцию Нижняя Паннония и направился в сторону Мурсы, поселения на границе провинции, где и располагался Первый Иллирийский легион. Центурия Марка продвигалась по римской провинции, поэтому на привалах выставлялись только караулы. Продвигаясь на северо-восток, центурия вскоре прибыла в расположение своего нового легиона.

Легат Сервий Публий Квинт, седой крепкий мужчина, в прошлом сенатор, командир Первого Иллирийского легиона, сидел в доме легата возле карты. Он смотрел на большой выступ, между римскими провинциями Дакией и Нижней Паннонией, заселённый варварами и обдумывал план действий. Обстановка в империи была тревожной. Новая система управления только обострила борьбу за власть между тетрархами. На должность он был назначен западным императором Констанцием, который теперь со своими легионами находился в Британии. Первый Иллирийский легион был по типу – лимитан, то есть в его задачу входило охрана границы от варваров и их удержание до подхода основных сил. Никаких внешних посягательств на границы Римской империи в настоящий момент не было. В соседней Дакии тоже был мир, но легату не давал покоя этот выступ. Там были горы, малопроходимые леса и жил народ, который называл себя свевами. Занимались они скотоводством, но в приграничной торговле очень часто рассчитывались серебряными слитками или золотым песком. Что там было сейчас в глубине их страны, римляне не знали. Единственное о чём знал легат Сервий Публий, что на территории этого выступа проживало несколько племён, и они иногда воевали между собой. Он размышлял дальше, если в этой стране варвары рассчитываются серебром и золотом, значит, они где-то его добывают и в глубине их страны, возможно, есть копи. В этой неразберихе, которая сейчас царит, можно было бы подумать и себе. Его мечтой было вернуться после службы в Сенат триумфатором, расширившим границы империи, ну а если при этом ещё и найти эти копи, то можно было бы неплохо обогатиться, и тогда его положение в Сенате стало бы на много прочнее, это был путь в большую политику.

Легионы типа лимитан были не самыми боеспособными в Римской империи. Они были легче вооружены и хуже обучены, чем регулярная армия. Эти легионы в основном использовались для проведения строительных работ, карательных и полицейских операций в районе дислокации. Основой таких легионов была пехота. Они практически не имели в своём составе кавалерии и осадных машин. Именно поэтому для реализации своего плана легат Сервий Публий и запросил, через заинтересованных чиновников у Сената подкрепление в виде центурии регулярных войск. Сенат направил к нему Марка Флавия опытного, храброго центурия, способного самостоятельно принимать решения, руководить войском и знавшим диалекты местных племён.

Марк Флавий со своим отрядом подходил к цели своего похода к Мурсе, иллирийскому поселению, рядом с которым располагался лагерь Первого Иллирийского легиона. Лагерь был построен по стандартам римской армии. Это был прямоугольник, обнесённый глубоким рвом и валом не менее шести метров в высоту, на котором стоял высокий частокол с башнями и воротами с каждой из четырёх сторон. Лагерь был постоянным местом дислокации легиона, поэтому внутри стояли не палатки, а деревянные дома для командования и бараки для солдат, но в таком же строгом порядке. Через южные ворота отряд Марка начал входить в лагерь, следуя к центральной площади. Было время ужина и по бокам улицы их встречали солдаты легиона, стали раздаваться возгласы увидевшихся знакомых. Солдаты разогревали себе ужин, поэтому в лагере стоял аппетитный запах жареного мяса и различных специй. Вскоре вся центурия Марка построилась на центральной площади, к ним вышел легат Сервий Публий. Он сказал короткую, приветственную речь и отпустил солдат располагаться в свой барак. Затем Марк прошёл в дом командира легиона. Коротко поговорив с ним, сообщив пароль на сегодняшний день, легат отпустил Марка устроиться и поужинать, сам же Сервий Публий остался думать свой план.

Марк быстро нашёл свой барак. Его центурия расположилась рядом с площадью, там, где обычно в римском лагере располагались отборные войска. По пути в свой барак Марк встретил несколько солдат ветеранов, с которыми был знаком по Персидскому походу. Тепло, поприветствовав друг друга, они немного поговорили. В бараке у Марка было отдельное помещение. Центурион вначале проверил, как расположились его солдаты, сообщил им пароль, затем зашёл к себе. Там он снял своё снаряжение, давая телу отдохнуть от долгого перехода, и вышел посмотреть, как организован ужин у подчинённых. Опытные ветераны быстро освоились на новом месте, все римские лагеря строились по стандартной схеме, поэтому легионерам всё было привычно и знакомо. Триарии пригласили Марка поужинать с ними, его многие знали в армии. В центурионы назначали легионера большой физической силы, высокого роста, умеющий ловко и сильно бросать копья и дротики, постигший искусство сражаться мечом и манипулировать щитом, который вполне усвоил искусство владения оружием. Центурион должен был быть бдительный, выдержанный, подвижный, более готовый исполнять, что ему прикажут, чем разговаривать, умеющий держать в дисциплине своих товарищей по палатке, побуждать к военным упражнениям, заботящиеся о том, чтобы они были хорошо одеты и обуты, чтобы оружие у них всех было хорошо вычищено и блестяло. Все эти качества Марк проявил во время Персидского похода. С солдатами он был честен, справедлив и не заносчив. Вот и сейчас он запросто сел с ними поужинать. За ужином ветераны ели жареное мясо и пили популярное в римской армии тёмное пиво, вспоминая свои похождения у женщин. После ужина Марк решил прогуляться возле лагеря. Пароль он знал, поэтому беспрепятственно вышел за главные ворота. Рядом с лагерем было много различных торговых лавок. Недалеко на лугу возле широкой реки, специально назначенные солдаты, пасли скот, который впоследствии шёл в пищу всему легиону. Вдали виднелась цепь холмов, переходящих в невысокие горы. Немного в сто-

роне темнели строения Мурсы. Начинало темнеть, и Марк вернулся к себе в барак. Он лёг на жёсткую походную кровать и сразу уснул. Ему снилась Лукреция, она обнажённая смеялась и целовала его.

Рано утром прозвучал сигнал трубы. Солдаты Первого Иллирийского легиона начали просыпаться. Легионеры стали являться к своим центурионам, получая от него указания на предстоящий день. Затем центурионы пошли к командирам своих когорт. После этого они все вместе двинулись к дому легата. Сервий Публий поднялся на трибуну, которая всегда устанавливалась на площади во всех римских лагерях и, поприветствовав своих офицеров, сообщил пароль на сегодня. Далее распределил обязанности между центуриями по подвозу воды, дров и продовольствия. Прозвучал сигнал трубы и в лагере начался завтрак. Офицеры пошли к своим солдатам. Марка легат позвал к себе. Сервий Публий сел за стол, Марк стоял напротив и почтительно молчал. Легат был наслышан обо всех достоинствах этого молодого офицера, но слишком он был какой-то правильный. Поэтому легат решил не посвящать центуриона полностью в свой план, а только поставить ему боевую задачу:

– Марк, посмотри на карту, – обратился он к офицеру, развернув свиток на столе, – видишь этот выступ между Дакией и Нижней Паннонией.

– Вижу, – ответил Марк, внимательно посмотрев на развёрнутую карту.

– Мы плохо знаем эту местность, сколько там проживает варваров, чем они занимаются, но самое главное, что нам ждать от их соседей с севера. Марк ты хорошо разбираешься в их языках. Необходимо вступить с их правителями в контакт и понять их намерения, а самое главное, в состоянии ли эти племена прикрыть границы империи от нашествия варваров с северо-востока. Здесь, судя по этой карте, сплошные леса и горы, но всё это необходимо уточнить. Видишь, с юга на север течёт река, – спросил он Марка.

– Да.

– Надо провести разведку этого выступа двигаясь вот по этой дороге вдоль русла реки, для этого я и вызвал тебя и центурию из регулярного легиона, мои, сам знаешь, больше строители. Марк внимательно посмотрел на легата, что-то в его словах смуцало, но Марк был солдат и поэтому отбросил все сомнения и продолжил изучать карту.

– А кто-нибудь уже ходил туда? – спросил он легата.

– Уже давно туда не ступала нога римского легионера.

– Тогда чья эта карта?

– Мы взяли её у царя Дакии после победы над ним.

– Тогда она должна быть точной.

– Я дам тебе ещё две центурии своих лучших солдат, – произнёс легат, глядя на Марка.

– Когда мне выступать?

– Думаю, дня три тебе на подготовку хватит, – утвердительно сказал легат.

– Хорошо, – ответил Марк, отходя от стола.

– Иди, готовься, вечером я передам под твоё командование ещё две центурии, как и обещал.

– На мой взгляд, пока не следует сообщать солдатам о том, куда и зачем мы пойдём, – обратился Марк к легату.

– В этом я с тобой согласен, – кивнул Сервий Публий.

– Думаю мне надо прогуляться по городу, послушать, что там говорят, – произнёс задумчиво Марк.

– Конечно, конечно, вечером я жду тебя с докладом.

Марк кивнул и вышел из дома легата. Солнце стояло уже высоко. Римский лагерь жил своей жизнью. Назначенные солдаты под руководством квестора подвозили дрова, съестные

припасы, где-то достраивали дома и укрепляли стены лагеря. Небольшой отряд возвращался с удачной охоты в окрестных лесах. На длинных шестах они несли туши убитых оленей и кабанов. Солдаты его центурии упражнялись во владении мечом и прицельно метали дротики в установленные щиты. Молодые солдаты под присмотром триариев занимались различными физическими упражнениями, развивая свою силу. Марк вышел за территорию лагеря. Там тоже кипела жизнь. Бойко шла торговля между римскими солдатами и лавочниками в основном продуктами питания, одеждой и всякими безделушками. Марк стал медленно проходить между лавками и внимательно слушать собеседников. Он понимал, о чём говорят местные торговцы. Марк немного поупражнялся в знании языка, поторговавшись в нескольких лавках. Торговые палатки ставились в основном между городком и лагерем. Их становилось всё больше и больше и постепенно они стали заполнять всё это пространство.

Марк решил пройтись по Мурсе. В поселении было несколько улиц, он пошёл по одной из них. Мужчин в городке было мало, но Марк увидел, как молодой римский солдат вышел из дома, и его провожала женщина. Увидев центуриона, солдат смутился и замер на месте, но Марк, кивнув, прошёл мимо. Пройдя дальше, в одном из дворов он увидел ещё одного римского солдата, это был уже триарий. Тот стоял к нему спиной и держал на руках ребёнка, рядом стояла светловолосая женщина, они улыбались и о чём-то разговаривали. Женщина увидела Марка, что-то сказала солдату, и они оба посмотрели на Марка. Марк улыбнулся им и прошёл мимо.

Видимо этот ветеран заканчивал службу, и после её окончания намерен был остаться здесь. После двадцати лет службы все ветераны получали земельные участки в выбранной ими провинции Римской империи. Обзаводились семьями с женщинами местных народов и племён, таким образом, шла колонизация провинций и укрепление границ империи. Как правило, даже оставленный римлянами лагерь превращался в посёлок или даже город.* Марк вернулся в лагерь. Вечером легат собрал своих офицеров и передал Марку две центурии под его командование. Марк дал все необходимые указания. Солдаты начали готовиться к походу.

Галерий получив письмо от Константина, в котором тот сообщал о смерти своего отца августа западной части Римской империи, тут же написал ему ответное письмо. В этом письме август восточной части Римской империи сообщал, что ввиду молодости Константина не может признать его августом, но признаёт его цезарем западной части империи и пожелал ему успехов в охране её рубежей. Затем Галерий написал ещё одно письмо своему старинному другу и сослуживцу цезарю Северу Флавию, в котором сообщил о кончине Констанция Хлора и провозгласил теперь уже его, Севера, августом западной части Римской империи. Так же в этом письме Галерий сообщил, что вынужден признать цезарем Константина, ввиду того, что галльские легионы уже провозгласили его своим императором. Отправив письма Галерий задумался, когда основатели тетрархии императоры Диоклетиан и Максимиан по взаимной договорённости отреклись от престола, он и Констанций стали вместо них новыми августами. Именно тогда он и предложил Диоклетиану назначить новыми цезарями Севера и своего племянника Максимиана Дазу. Конечно, эти люди не годились для управления государством, но это были его, Галерия, люди. На следующий день Диоклетиан в Никомедии собрал свои легионы и объявил, что отказывается от императорской власти в пользу Галерия. Все ожидали, что одним из цезарей станет сын Констанция Константин, но Диоклетиан объявил цезарями Севера и Максимиана. Таким образом, августами стали, он Галерий на востоке, Констанций на западе империи, а цезарями Север на западе и Максимиан на востоке и оба цезаря были под его влиянием. Галерий хорошо понимал, что созданная Диоклетианом система управления Римской империей, конечно, облегчала процесс управления, но совершенно при этом не учитывала человеческий

фактор. Став императором, было крайне необходимо укреплять свою власть от посягательств ближайших конкурентов.

* Впоследствии, от латинского *castrum* (лагерь) возникли французское слово *шато* (фр. *ch; teau*) – замок и английские слова *castle* (англ. замок) и *chester* (англ. лагерь (устар.)). Своё название от *castellum* (уменьш. от *castrum*) получили по чеш. *kostel*, словацк. *kostol* в значении храм, церковь, а также испанское Кастилия (буквально «страна замков»). Кёльн и Вена возникли на месте римских лагерей, также в современной Британии существуют города Честер, Манчестер, Ланкастер, Колчестер, Ньюкасл.

Посредством общеевропейских корней родственным латинскому слову *castrum* является русское слово «костёр» в значении стоянка, лагерь, (взято с сайта Википедии).

Через три дня, рано утром центурии Марка выступили в поход. В последний момент к ним присоединился легат со своей центурией, вызвавшись его проводить на расстояние одного дневного перехода. Марку это показалось странным, но командир легиона подтвердил его полномочия и не вмешивался в управление войсками. Марк перед выходом убедил легата дать ему полсотни лошадей, с тем, чтобы сформировать небольшую подвижную группу разведки. Поэтому сейчас Марк Флавий ехал впереди колонны в окружении своих всадников. В середине с десятком всадников двигался легат Сервий Публий, замыкал колонну небольшой обоз из мулов с палатками и другим хозяйственным инвентарём.

Переправившись через реку по деревянному мосту, возведённому солдатами Иллирийского легиона, отряд Марка вышел на дорогу. Дорога оказалась достаточно широкой, видимо это был какой-то старый караванный путь. Это позволяло идти солдатам по шесть человек в ряд. Центурии Марка были вооружены стандартным вооружением римских легионов. Красная туника, поверх неё кольчуга с короткими рукавами, пластинчатые наплечники и нагрудники, шлем с красным гребнем, короткий испанский меч для ближнего боя на правом боку, кинжал на левом, прямоугольный выгнутый щит с орлом и название легиона I *Adiutrix* (с сайта Википедии). В правой руке каждый легионер держал дротик длиной два метра «пилум», для боя в начальной его стадии. Каждый легионер нёс собой трёхдневный запас пищи, топор для заготовки кольев и постройки лагеря. Поскольку это была короткая по времени экспедиция, свои личные вещи солдаты оставили в лагере.

Марк ехал во главе отряда со своими всадниками. Вперёд была выслана разведка, и всё пока было спокойно, варваров они ещё не встречали. Дорога пролегла по долине. Справа и слева высились покрытые зелёным листовым лесом холмы. Дорога виляла среди этих холмов. На одном из поворотов стали видны горы, судя по всему, центуриям Марка предстояло преодолевать перевал. После того как солнце прошло зенит, дорога стала подниматься всё выше и выше. Идти становилось всё труднее. Приблизительно за четыре часа до захода солнца, Марк, увидев подходящую площадку, остановил колонну и приказал разбивать лагерь. Часть солдат пошла в лес заготавливать колья, другая стала ставить палатки. Работа закипела и часа через три на площадке, выбранной Марком, стал появляться лагерь со всей атрибутикой, только меньших размеров. Скоро частокол и сторожевые вышки в углах были поставлены. Внутри уже устанавливались палатки. Ещё через час солдаты стали на кострах готовить себе ужин. Марк организовал караульную службу и ушёл к себе в палатку. Через некоторое время к нему зашёл легат и сообщил, что он пока продолжит путь вместе с Марком. Поужинав, Марк вышел из палатки проверить караульную службу, но всё было организовано по правилам, и он скоро вернулся к себе. Труба сыграла отбой. Марку не нравилось присутствие легата, ему показалось, что он ему просто не доверяет. Марк заснул. Ему снилась какая-то женщина и это была не Лукреция. Эта женщина что-то ему говорила и улыбалась.

Марка разбудил звук трубы. Солдаты позавтракали и стали снимать палатки. Через час, построившись, двинулись вверх на перевал, оставив за собой частокол их ночного лагеря. По сторонам дороги вздымались отвесные скалы. Марк начал немного нервничать, ведь положение его центурий становилось уязвимой. Растянувшись в ущелье в длинную колонну центурии теряли возможность какого-либо наступления и могли только защищаться в неполном строю. Но всё обошлось, дорога пошла на спуск, и ущелье стало расширяться. Вскоре дорога вывела римлян в долину. Справа бурлила перекатами небольшая и мелкая речка. По бокам долины возвышались скалы. Теперь легионеры могли двигаться только по четверо в шеренге, поэтому отряд растянулся на целую милю Марк, по-прежнему со своими всадниками был во главе своих центурий. Впереди, в шагах пятидесяти двигалось шесть разведчиков. Дорога петляла вместе с рекой.

Внезапно на одном из поворотов Марк услышал условный сигнал, а затем сразу увидел трёх мужчин и одну женщину, одетых в одежду из невыделанных шкур, которые судя по всему, мыли золото в реке. Они тоже увидели римлян и с лотками в руках стояли, настороженно глядя на них. Никакой опасности эти люди не представляли, и Марк решил не мешать им. Легионеры продолжали свой путь, с интересом посматривая на варваров. Внезапно из середины отряда к варварам поскакали всадники легата. Подскакав, один из римлян выхватил лоток из рук женщины и повернул обратно. В это время один из мужчин метнул нож в спину обидчика. Нож достиг своей цели, и римлянин упал с лошади. Солдаты бросились к варварам, те побежали прочь. Мужчин догнали, они оказали сопротивление и их убили, а женщине удалось скрыться в расщелине и по ней уйти в глубину скал. Всё произошло очень быстро, Марк остановил центурии и поехал к легату. Тот осматривал лоток и довольно улыбался.

– Зачем вы это сделали, – спросил его Марк, – теперь наше продвижение будет весьма опасным и непредсказуемым.

– С каких пор центурион Марк Флавий стал бояться варваров?

– Вы прекрасно знаете, что это не так, – воскликнул Марк.

– Они убили римского солдата, ты лучше посмотри, – протянул легат руку, в которой лежало несколько небольших слитков золота.

– И что теперь Первый Иллирийский легион будет мыть вам золото? – с сарказмом спросил Марк.

– Не мне Марк, Сенату, а значит и всему римскому народу!

Марк пристально посмотрел на легата, тот тоже смотрел ему прямо в глаза.

– Хорошо, тогда я продолжу выполнение задачи, сказал Марк и поскакал на своё место во главе колонны.

Через некоторое время центурии двинулись дальше. Легат занял своё место в середине колонны. Сервий Публий Квинт думал о том, что всё равно Марк быстро бы обо всём догадался и теперь придётся каким-то образом уговорить его стать компаньоном.

Марк ехал и размышлял о том, что наступают времена, когда легаты начинают рисковать жизнями солдат ради крупинок золота, а не для покорения новых земель. Между тем рельеф местности начал меняться. Река начала опускаться в овраг, и дорога пошла вдоль скалы. Марка это стало сильно тревожить. Его центурии опять вытягивались, теперь солдаты двигались в колонну по два и снова становились уязвимы. Он оглянулся, но легат никак на это не реагировал, а сам он к нему обращаться сейчас не хотел, поэтому центурион продолжил свой путь. Проехав полмили, Марк сначала услышал шум одиноко падающих сверху камней, затем на его группу обрушился камнепад. Он увидел, как камни обрушились на ехавших впереди всадников и они стали падать в реку. В это время крупный камень, попав ему в шлем, выбил Марка из седла, и он стал падать, и уже теряя сознание, Марк увидел, что ему в голову летит

большой камень. Он инстинктивно прикрылся руками и почувствовал сильный удар в голову. Свет в глазах Марка погас, и наступила полная тишина.

Легат Сервий Публий увидел, как камнепад накрыл всадников Марка Флавия. Из поднятого облака пыли выскочило несколько уцелевших легионеров, и в тот же миг в римлян полетели стрелы. Некоторые из них достигли цели, пока римские солдаты пребывали в растерянности, но затем, прикрывшись щитами, они быстро построились в черепахи и стрелы стали барабанить по щитам. Стреляли откуда-то сверху. Под градом стрел к отряду легата смогли добраться только пять солдат из центурии Флавия. Римляне стали отходить и вскоре стрелы перестали их беспокоить и обстрел прекратился. Римляне так и не увидели, кто в них стрелял. Отойдя на пять сотен шагов от злополучного места, Сервий Публий решил разобраться в обстановке. Вскоре он выяснил, что под камнями почти полностью погибла центурия Марка Флавия. Самому же Марку, по свидетельству одного из уцелевших триариев, не суждено было выжить. Он видел своими глазами, как огромный камень попал в голову Марку, и центурион упал в реку. Потеря центурии Марка Флавия и его самого сделало бессмысленным дальнейшее продолжение экспедиции, тем более, что дорога была полностью засыпана камнями. Сервий Публий никогда не был слишком храбрым воином. В Сенат он попал только благодаря своему происхождению из древнего патрицианского рода. Поэтому немного подумав, легат приказал оставшимся центуриям следовать в место их ночёвки. Легионеры, молча, с мрачными лицами двинулись в обратный путь.

Сервий Публий не был готов к такому повороту событий и теперь обдумывал, как лучше сообщить в Сенат, что результатом этой экспедиции должно стать решение о начале работ по возведению на границе Нижней Паннонии пограничных защитных сооружений от внешней угрозы. Проезжая мимо того места, в котором варвары мыли золото, легат с сожалением подумал, что скоро вернуться сюда не представляется возможным, но ничего он обязательно что-нибудь придумает. Только теперь придётся задействовать своих сенаторов, а блеск золота был им дороже всего.

Римляне вернулись в свой лагерь и стали устанавливать палатки. Часть палаток осталась лежать на земле не развёрнутыми. Поужинав легионеры, за исключением караульных пошли отдыхать. В палатках то тут, то там пошли разговоры о том, что легат трусливый человек, ведь надо было отбить атаку варваров и вернуться за своими ранеными товарищами. Так всегда поступали римские воины, ведь они были настоящие «коммитито»* и просто были обязаны это сделать.

Ночью у ворот лагеря раздались громкие крики. Все легионеры выскочили с оружием из своих палаток. Ворота открыли, и в свете факелов в лагерь зашло десять раненных солдат из центурии Марка Флавия и ещё двоих они несли на носилках. В тот же миг две стрелы слева и справа от ворот воткнулись в частокол. Ворота быстро закрыли, легионеры бросились на настилы возле частокола, для отражения атаки, но больше ничего не происходило.

Легионеры спустились к своим товарищам, они понуро сидели на траве возле своих палаток. Два лекаря, которые были в составе иллирийских центурий, осмотрев раненных, развели руками. Римляне были уже хорошо перебинтованы и их помощь им не требовалась. Лекари забрали двух тяжело раненных и унесли их вглубь лагеря.

Сервий Публий спустился с настилов к раненым, те встали, и один из триариев доложил легату о том, что их подобрали в реке варвары, перевязали их раны и привели к стенам лагеря. Легат, молча, выслушал солдат, затем спросил:

– Видел ли кто-нибудь Марка Флавия живым или мёртвым?

– Нет, из нас никто его не видел, – ответил угрюмо триарий, – нам не показали убитых. Они их всех сложили на берегу, в кучу хвороста и сожгли, – затем опустив голову, подал ему свой плащ.

– Что это, – спросил его легат.

– Они заставили меня это написать.

Легат развернул плащ, на нём было написано: «Убирайтесь с нашей земли!»

Отпустив раненных, легат приказал усилить караулы. Над лагерем нависла угрюмая тишина. Римские воины иногда терпели поражения и от варваров, но в этот раз их победили, даже не дав им возможности вступить в сражение.

Рано утром центурии покинули лагерь и направились к месту постоянной дислокации. Вечером они входили в главные ворота своего лагеря. Об их поражении их товарищи уже знали. Легионеры встречали своих товарищей, поддерживали их морально, помогли быстрее раздеться, и кормили их из своих запасов.

Сервий Публий прошёл к себе в дом, сбросил снаряжение и сел писать письмо в Сенат, затем он написал ещё несколько писем уже непосредственно своим сенаторам. Вызвав к себе своего порученца, легат отдал ему письма, плащ с надписью и подробно его проинструктировал. Тот не теряя времени, направился в Рим.

**«коммитто» – термин в римской армии, означающий – товарищ по службе – был, вероятно, самым объединяющим термином, поскольку выражал связь, существующую между всеми солдатами, начиная с рядовых и заканчивая не только офицерами, но, что ещё более важно, самим императором. «Коммитто» означало единство армии и уважение к товарищам по службе, вне зависимости от их звания. Это было основой силы морального духа римской армии и одной из причин её многочисленных побед (с сайта Википедии).*

Все восемь дней отпущенных ритуалом до кремации останков отца Константин вникал в дела его легионов, теперь уже своего войска. Сразу после кремации, прихватив с собой урну с прахом отца, Константин в сопровождении преторианцев отправился в Тревир.

Минервину Константин встретил в доме у одного вельможи в Никомедии, она была подружкой дочери хозяина дома. Минервина сразу поразила его своей красотой, но более всего своим независимым, почти вздорным характером. Она была незнатного происхождения, но весьма воспитана, начитана и умна. В сочетании с её небесно голубыми глазами, тёмными волнистыми волосами, правильными чертами лица, хрупкой, но весьма соблазнительной фигурой, Минервина сделалась для молодого Константина настоящей фурией, в которую он без памяти влюбился. Со стороны это конечно смотрелось очень трогательно. Большой, сильный, уже не раз, доказавший своё бесстрашие в сражениях, первый трибун римского войска был просто котёнком рядом со своей возлюбленной. Возможно, эту способность быть нежным, заботливым и оценила Минервина, во всяком случае, через полгода она сдалась и вышла замуж за Константина. Обо всём этом Константин вспоминал с глуповатой улыбкой на лице, в своей резиденции, в Тревири ожидая приезда самых близких ему людей.

Дочь вождя племени свевов Скора, бродила с острогой по воде. Увидев рыбу, она подкрадывалась к ней и била её острогой, но сегодня ей не везло, она всё время промахивалась. «Что-то рыба сегодня какая-то беспокойная, не стоит на месте» – только подумала она, как мимо неё проплыл мертвец, судя по одежде, это был римский солдат. Скора замерла, теперь стало понятно, почему рыба нервничала. Она глянула вниз по течению, мертвеца прибило к камням.

Скоре было восемнадцать лет и ей уже давно было пора выйти замуж, но она этого совсем не хотела. А отец не настаивал, к тому же колдунья ей сказала, что мужа она себе сама найдёт, поэтому пусть, мол, всем сватам отказывает. Конечно, Скоря иногда снились непонятные ей сны, которые её волновали, а в остальном, присутствие в её жизни мужчин было лишним, кроме отца, конечно, она его очень любила. Девушка продолжала охотиться, но ей по-прежнему ужасно не везло.

Скоря ещё раз глянула на мертвеца, он никуда ещё не уплыл. Она с острой в руках, на всякий случай, стала тихонько подходить к нему. Мертвец лежал на камнях лицом вверх. Скоря подошла ещё ближе. Из раны на голове у него сочилась кровь. Это был молодой и очень красивый мужчина. Девушка подошла к нему вплотную и склонилась над ним. Она увидела, что ресницы у него дрожат, значит, он был ещё жив. Скоря бросила острогу подхватила его и с трудом вытащила на берег. Даже не понимая зачем, она это делает Скоря набрала полную грудь воздуха, затем прильнула к его губам своими и сильно выдохнула воздух в его рот. Потом ещё раз, и ещё. Мужчина закашлял, изо рта у него хлынула вода. Девушка быстро перевернула его лицом вниз, из лёгких римлянина выливалась вода. Когда вода перестала литься, мужчина продолжал лежать. Скоря перевернула его на спину, он был без сознания, и тяжело дышал, кровь продолжала сочиться из глубокой раны на голове. Девушка ещё раз внимательно посмотрела ему в лицо. Да, определённо он, как мужчина был очень красив. Тёмные волосы, прямой нос, тонкие губы, волевой подбородок. Скоря не нравились её бородастые соплеменники. Она оглянулась, никого не было и, вздохнув, попыталась поднять мужчину.

Скоря была сильной девушкой, но этот красавчик, она так решила его пока называть, был очень тяжёлым. Она сообразила и стала снимать с него снаряжение. Провозившись, некоторое время Скоря, освободила красавчика от всей его амуниции, и взяв его под руки, потащила в лес. Здесь недалеко в шагах ста от берега у неё был свой маленький тайник, где она любила уединяться. Это была небольшая пещера, вход в которую девушка закрыла от посторонних глаз, пересадив несколько деревьев. Деревья прижились, и теперь вход в пещеру стал невидим. Красавчик, пока она его тащила, несколько раз сильно застонал, но в сознание так и не пришёл. Она сильно устала, пока тащила этого здоровяка.

Скоря подтащила его к самому входу в пещеру и теперь лежала рядом с ним совершенно обессиленная и смотрела в голубое небо. Красавчик по-прежнему был без сознания. Отдыхавшись, девушка, собралась силами и затащила его в свою пещеру. Там она положила его на охапку сухой травы, затем Скоря вернулась на берег и стала собирать амуницию римлянина. Откуда-то выпал свиток. Она подобрала его, и всё отнесла в пещеру, спрятав в укромном уголке за камнями, а плащ повесила сушиться в её глубине. Римлянин по-прежнему не приходил в сознание. Из раны на голове продолжала сочиться кровь. Скоря вышла из пещеры, нарвала травы, которую ей показывала колдунья. Вернувшись, Скоря оторвала от своей рубашки лоскут, и немного пожевала траву, чтобы та дала сок, приложила кашицу к ране и перевязала лоскутом голову красавчика.

Выйдя из пещеры Скоря, направилась к колдунье за советом, она жила недалеко. Ноги почему-то несли её сами. Поэтому в избушку к колдунье Скоря уже влетела и, запыхавшись всё ей рассказала.

– Погоди, погоди не части, – сказала колдунья, дайка я погляжу, – и взяв какой-то кувшин с водой, помешала его куриной лапкой и шепча себе что-то под нос заглянула в него, потом улыбнувшись взяла с полки маленький берёзовый туесок подала его Скоря, – на смажь его.

– Бабушка, голову смазать? – спросила девушка, явно собираясь уже бежать обратно.

– Всего надо смазать.

- Как это всего?
- Снимешь всю одежду и смажешь, – улыбнулась колдунья, – ну чего покраснела, мужиков голых не видела.
- Видеть, то видела, но никогда не смазывала.
- Не бойся, этот пока не кусается, – усмехнулась колдунья, – ладно дочка иди, его по реке несло, всего побило, поэтому и смазывать надо всего, и ещё возьми этой травы, заваришь и три раза в день по три глотка.
- Спасибо бабушка, я побежала, – уже с порога крикнула Скора.
- Лети, лети горлица, – и глядя ей вслед, добавила, – знать душа уже почуяла, ишь, как порхает.

Скора шла быстрым шагом и думала. Мужчину она узнала в прошлом году на празднике Купалы. В сравнении со своими подружками, Скора, явно задержалась с этим делом. Те уже давно хвастались своими похождениями с мужчинами и парнями на всех праздниках. А тут они уговорили её попробовать медовухи. Сначала было весело прыгать через костёр, задирая подол. Потом ей стало плохо, и Скора ушла в кусты. Земля сильно кружилась, она стояла на четвереньках и её рвало. Скору взял сзади какой-то бородатый мужик, сильно схватив её за бёдра, у неё совершенно не было сил сопротивляться. Он был во хмелю, поэтому видимо даже и не понял кто она такая. Мужик ушёл. Скору было больно, противно и плохо. Она просто сидела на траве и редела. Мимо проходила колдунья. Она присела к ней, обняла и Скора, рыдая, всё ей рассказала. Та взяла её за руку и отвела в свою избушку. Там она нагрела воды, бросила туда какой-то травы и заставила Скору хорошенько вымыть себя, потом дала ещё травы, рассказала, как её надо заварить и приказала пить очень горький отвар на восходе и на заходе Солнца. Всё обошлось и Скора никому, ничего не сказала, но с тех пор она отдалась от своих подружек и стала общаться с колдуньей. Вообще-то её звали Митуса, но она называла её бабушкой. Это была очень добрая и умная женщина. Они подружились и Скору стали сторониться, так же как и колдунью.

Скора пришла к себе в пещеру. Красавчик по-прежнему был без сознания. Она склонилась над ним. Дыхание его успокоилось. В пещере был полумрак. Свет падал сверху из небольшой расщелины под её сводами. Постелив высохший плащ, Скора решительно стала стаскивать с римлянина одежду. Затем повернув его на живот, смазала шею, спину, ягодицы и ноги. Перевернув его на плащ, она смазала его всего спереди, вначале пропустив его достоинства, потом вспомнив слова колдуньи, смазала и их, а то мало ли что, всего же было об камни. На теле у римлянина было много ссадин и синяков, но с достоинством у него был полный порядок. Накрыв красавчика своим одеялом, Скора поднесла ковшик с водой к его рту. Губы он не разжимал, вода полилась мимо, но всё же несколько капель попали ему в рот. Затем Скора развела костёр и сделала отвар из травы, которую дала колдунья. У неё было припрятано немного съестных припасов, и она поужинала, пожевав соты с мёдом. Начинало темнеть, и Скора стала устраиваться на ночлег. Отец уехал к своему брату на три дня, а больше ни перед кем она отчитываться не собиралась. Девушка легла рядом с римлянином, накрывшись одним одеялом.

Скору не спалось. Она стала вспоминать маму. Мама умерла, когда ей было пять лет. Она хорошо помнила её, красивую, очень добрую, с ласковыми тёплыми руками и с грустными глазами. Однажды, перед самой её смертью, Скора играясь, неожиданно забежала в их дом и увидела, как мама плачет. Тогда она подошла к ней погладила маму по волосам и пообещала, что всегда будет её слушаться, и тогда она больше не будет плакать. Мама обняла её и зарыдала ещё сильнее, Скора заплакала тоже. Через два дня мамы не стало.

Ей снилась мама, она улыбалась и что-то ей говорила, но Сора никак не могла понять что. Сора хотела подойти к ней ближе, но мама покачала головой и сказала: «Не ходи ко мне, я за тебя очень рада дочка, будь счастлива» улыбнулась, помахала рукой и исчезла. Девушка проснулась со слезами на глазах, которые стали стекать по её щекам, и вдруг она услышала какой-то стук. Сора прислушалась, потом дотронувшись до тела римлянина, она почувствовала, что он весь дрожит, а звук был клацаньем его зубов. Сора подхватила, красавчик весь трясся. Она прижалась к нему, пытаясь его согреть, но римлянин продолжал трястись. Тогда Сора встала и сбросила с себя всю одежду. Нагая, она прижалась к его телу, обняла и положила на него свою ногу. Через некоторое время дрожь прекратилась и она уснула.

Сора услышала пение птиц и открыла глаза. Солнечный зайчик из расщелины притаился на стене пещеры. Она улыбнулась ему и сказала вслух: «Привет!». Рядом так же тихо лежал римлянин. Сора села и посмотрев на него спросила: «Когда ты уже очнёшься?», но тот молчал. Быстро одевшись, девушка сбегала к речке, умылась её прохладой и, зачерпнув котелок воды, вернулась в пещеру. «Так, давай ка, тоже умоемся, но сначала натрёмся и попьём отвара». С этого момента Сора стала разговаривать с красавчиком вслух. Откинув одеяло, она натёрла его мазью, уже ничего не пропуская, затем слегка разжав ему пальцем зубы, влила в него ложку отвара и накрыла одеялом. Немного посидев возле больного, Сора взяла лук и стрелы и пошла на охоту. Подстрелив пару куропаток, она вернулась, развела костёр и стала готовить обед. Теперь всё, что она делала, Сора рассказывала своему красавчику. Вечером девушка напоила его отваром и опять нагая легла к нему, тесно прижимаясь к обнажённому мужчине. Так продолжалось три дня. Она ухаживала за больным, охотилась, рыбачила, а вечером обнажённая ложилась к нему в постель. Утром четвёртого дня, когда Сора натирала римлянина мазью, она почувствовала, что в его неподвижном теле, кое что начало двигаться и даже очень. Она улыбнулась, закрыла это одеялом и вышла. Значит всё будет хорошо, от этого на душе у неё стало светло. В это время она увидела, что по берегу кто-то ходит. Сора осторожно пошла на берег. Это был молодой парень, его звали Буса из их деревни, видимо парня послал её отец. Он её не видел, и она подкралась к нему, потом внезапно прошептала ему на ухо:

– Буса, кого ищешь?

– Ой, чёртова колдунья, – шарахнулся от неё парень.

– Да я такая, – прошипела Сора и засмеялась.

Буса, держась от неё на почтительном расстоянии, сказал:

– Твой отец тебя ищет.

– Скажи ему, что я приду через три дня.

– А что ты тут делаешь?

– Колдую, – решила подшутить над парнем девушка. Сора заметила, что каждое утро по противоположному берегу реки проходит лиса. Видимо у неё где-то поблизости была нора с лисятами, и лиса после ночной охоты возвращалась к ним.

– Это как? – спросил парень.

– Я дружка твоего Таруську в лису превратила, – сказала Сора, всматриваясь внимательно в противоположный берег.

– Да ну, а за что?

– А он слишком любопытный был, – сказала юная «колдунья», увидев, что среди кустов замелькала лиса.

– Врёшь?

– Тогда смотри, – зашептала Сора, входя в роль, – Таруська появиись на том берегу! – сказала она и протянула туда свою руку.

Лиса вышла на берег и шла по своим делам ни на кого, не обращая внимания.

– Привет Таруська, – громко сказала Скора. Лиса услышала посторонние звуки, остановилась и посмотрела на неё.

– Ладно, иди уже домой, – громко сказала, «колдунья», и потом прошипела, – я тебя прощаю. Лиса опустила свою мордочку и побежала дальше.

У Бусы, от всего увиденного, глаза полезли из орбит.

– Хочешь, я тебя в жабу превращу, – сощурился, прошипела Скора.

– Нет, не надо, я не хочу, – бросился наутёк парень, – колдунья, – крикнул он и тут же споткнувшись, упал. Скора подняла руки вверх и опять зашипела. Буса увидел это и припустил ещё быстрее. Девушка громко и заливисто рассмеялась.

«Теперь никто не сунется» – подумала Скора и, улыбаясь, пошла в пещеру. Подойдя к своему красавчику, она заметила приличный холмик внизу его живота.

«О, да тут у нас всё хорошо» – сказала девушка, заглядывая под плащ, – «Я бы сказала даже отлично» – хихикнула она. Потом засомневшись, взяла его за руку, но рука упала, как плеть «Как же тебя привести в чувство?» – громко спросила она, но ей опять никто не ответил. «Ладно, ты тут без меня лежи, я к бабушке сбегая, мазь заканчивается, только никуда не уходи, – улыбнулась она, – Я быстро!».

Скора шла к колдунье, но у неё было такое ощущение, что она не идёт, а летит. Девушка мурлыкала себе под нос какую-то песенку и сбивала прутиком с листьев росу и пританцовывала. Было тепло, в лесу щебетали птицы, солнце играло бликами на каждой полянке. Скора несколько раз останавливалась, чтобы пособирать земляники и черники. Она вдоволь наелась ягод. В дом к колдунье Скора зашла с чёрными губами и блестящими глазами.

Митуса понимающе улыбнулась.

– Бабушка у меня мазь закончилась! – прямо с порога выпалила Скора.

– Ну как там, твой? – спросила колдунья.

– Ничего он не мой, – густо покраснела девушка.

– Ладно дочка, что я слепая, как на крыльях летаешь, – ухмыльнулась Митуса.

Скоро села на скамейку и опустив голову, тихо спросила:

– Бабушка, а что такое счастье?

Колдунья бросив на неё короткий взгляд, тоже присела возле печки.

– Оно у каждого своё, всем людям на земле Боги посылают счастье, – произнесла задумчиво Митуса, – но не каждый способен его разглядеть и поэтому, иногда, счастье проплывает мимо, твой тоже мог мимо тебя проплыть, если бы ты на него второй раз не посмотрела.

После этих слов у Скоры похолодело в груди. Она уже не представляла свою жизнь без красавчика. Но потом она вспомнила, что когда она подошла к нему, его рука лежала между камней и держалась за них.

– Нет, он сам от меня не хотел уплыть, – сразу повеселев, заявила девушка.

– Ну и хорошо, как он там? – спросила Митуса.

– Всё так же без сознания, – ответила Скора и покраснев добавила, – хотя кое что у него зашевелилось.

Колдунья, улыбаясь, спросила:

– И сильно зашевелилось?

– Как камень, – ещё гуще покраснела девушка.

– Это хорошо, – сказала Митуса, вставая, – на тебе ещё мази, протянула она Скорке туесок.

– Бабушка, а когда он придёт в себя?

– Одним Богам это известно, но ты и сама сможешь привести его в чувство.

- Это как? – удивилась Скора.
- Отдай ему часть своих сил.
- А как я могу ему отдать свои силы?
- Ты уже взрослая девушка, соображай.

Скора всё поняла, и от этого стала просто пунцовая. Она вспомнила, как у неё дрожали руки и пересыхало в горле, когда втирала мазь в его сильное, мускулистое мужское тело. Сердце девушки тревожно и сладко забилося в груди.

Вернувшись от Митусы, Скора присела возле него, долго и пристально смотрела на своего красавчика и поняла, что уже никогда не сможет без него. Её счастье приплыло к ней, и она его увидела, не пропустила. Всё произошло, как и говорила колдунья. Стало темнеть. Девушка развела костёр, напоила красавчика отваром, поужинала и вышла из пещеры. Всё небо было в звёздах. Они весело ей подмигивали. Небо прочертила яркая полоска. Скора улыбнулась и загадала желание. Она вернулась в пещеру, разделась и легла рядом со своим возлюбленным. Сердце её трепетало. Не в силах больше себя сдерживать она приподнялась и стала целовать его губы, щёки, глаза, нос, шею. «Я тебя люблю, просыпайся же» – горячо шептала она ему. Она провела рукой по его телу, «камень» был на месте.

Скора знала, что ей надо было делать. Она случайно увидела это года три назад в лесу во время праздника Купалы. Девушка села на красавчика, рукой направила его камень и осторожно стала садиться на него. Вначале было немного больно, но она продолжила. Природа сама подсказывала ей, что нужно делать. Скора начала потихоньку двигаться и боль постепенно ушла. Девушка начала двигаться быстрее. Иногда она останавливалась, целовала в губы своего красавчика и приговаривала: «Просыпайся, ну просыпайся скорее, я люблю тебя, ты хочешь ещё» – и опять начинала двигаться. Скорее было очень хорошо, дыхание стало прерывистым, сердце стучало в её груди, голова немного кружилась и вдруг она почувствовала, что сейчас потеряет сознание. Она остановилась и легла рядом. Отдышавшись, Скора поцеловала его и положив ему свою голову на грудь, быстро уснула.

Утром девушка сбегала на речку искупалась и вернулась с котелком воды в пещеру. Холмика на красавчике не было. «Тебе вчера всё понравилось?» – начала Скора разговаривать со своим возлюбленным. Она стала готовить завтрак и всё время что-то говорила. К её удивлению через некоторое время холмик снова появился. «Значит, он уже слышит меня» – подумала Скора, – «И ему хорошо со мной». Она довольно улыбнулась и решила всё это проверить. Взяв острогу, девушка громко сказала: «Я пойду за рыбой, скоро вернусь, отдыхай пока» и улыбаившись вышла. Вернулась она часа через два. Холмика не было. Скора опять стала разговаривать с красавчиком и через некоторое время холмик опять появился. Девушка бросилась к возлюбленному со словами: «Значит тебе со мной тоже хорошо!».

Глава II

Вечер Скора, ждала уже с нетерпением. Дрожа всем телом, она всё повторила, но красавчик откликнулся на неё одним и тем же способом. Весь следующий день девушка очень много разговаривала со своим возлюбленным. Скора говорила ему о том, что когда он очнётся, она согласна стать его женой, что у них будет очень много детей. Несколько раз Скора уходила из пещеры, когда она возвращалась, холмика не было, но она начинала разговаривать с красавчиком и холмик вновь появлялся.

Вечером девушка обнажённая легла в постель к своему любимому мужчине. Долго и горячо целовала его, но он по-прежнему не приходил в сознание. Скорее теперь уже самой нравились всё, что она делала с его «камнем». Она начала свои ритмичные движения, прерывая их недолгими поцелуями. У неё опять начала кружиться голова, но Скорее так не хотелось останавливаться. Вот-вот она должна была потерять сознание, когда он внезапно открыл глаза. Даже в отблеске костра на Скору обрушилась безумная синь его глаз. Это было так неожиданно, что она лишилась чувств, положив свою голову ему на грудь.

Постепенно сознание стало к ней возвращаться, но всё было в каком-то тумане. Скора чувствовала, что сильные мужские руки гладят ей спину и ниже её, всё это было так приятно. Внизу её животика происходило что-то непонятное, как будто рой бабочек то садился, то взлетал. В этом сладком дурмане она открыла глаза и опять утонула в сини его глаз.

– Как тебя зовут? – спросили глаза на её родном языке.

– Скора, а тебя? – спросила она тоже, всё ещё пребывая в дурмане.

– Марк, – ответили глаза.

Внезапно к Скорее полностью вернулась сознание, она вспомнила, где она находится, и чем сейчас занимается.

– Ой, мамочки! – воскликнула она и вскочила, прикрывшись плащом. Перед ней лежал обнажённый мужчина, с которым она уже несколько раз занималась любовью, и они только что познакомились.

В это же время, в Риме, триарий преторской когорты Тит Маний подходил к термам Каракаллы. У него было поручение доставить письмо сенатору Тиберию Гаю Луциусу. Триарий был христианином уже несколько лет, и посещение терм с такими поручениями стало для него делом неприятным и греховным. Чего он только там не видел, и совокупляющихся мужчин, и лесбиянок, которые совокуплялись в присутствии других мужчин, и свальный грех. Вспоминая это, триарий даже украдкой перекрестился. Конечно, обо всём увиденном он всегда молчал, видимо поэтому и оставался до сих пор на службе. Скорее бы дослужить оставшийся год и уйти на пенсию. Тогда он получит свой, положенный ему после двадцати лет службы надел земли в какой-нибудь провинции, и уедет туда вместе с женой и детьми, подальше от этих безбожников.

С этими мыслями он подошёл к термам Каракаллы. Это было высокое и величественное здание. Солдаты, которые побывали в Египте, говорили, что эти термы были не меньше, чем пирамиды. Тит Маний прошёл по дорожке обсаженной кипарисами к центральному входу. Двери были отделаны бронзой и окружены мраморной выкладкой. Входящий через центральную арку сразу попадал в холл, здесь рабы принимали у посетителей одежду. Триарий спросил у одного из них, где находится сенатор Тиберий Гай Луциус, раб показал ему. Седой ветеран пошёл мимо большого бассейна с холодной водой – фригидария, в котором играли лучи

солнца, и плескалось несколько десятков человек, затем поднялся по широкой лестнице в главный зал со статуями, изображавшими подвиги Геракла. Далее по коридорам изогнутой формы триарий попал в горячие бани – кальдиарии. Здесь тоже был большой бассейн, а по краям множество небольших горячих ванн. Тут же было большое количество мраморных лежаков, на которых лежали разомлевшие римляне и рабы втирали в их кожу благовония, было очень жарко. На лице у триария проступил пот. Наконец он достиг своей цели. Рядом с кальдиариями были маленькие прохладные комнатки, в которых римляне отдыхали.

Из этих комнат можно было выйти во внутренние дворики, где были построены специальные беседки, там обычно собирались уставшие после парильни римляне, чтобы пофилософствовать. Рядом располагалась библиотека, где хранились книги на латыни и на греческом языке. Позади терм были построены стадионы, где тренировались гимнасты. На специальных трибунах можно было наблюдать за состязаниями атлетов, а при желании поучаствовать самим.

Входы в эти комнатки были завешаны шторами. К одной из них подошёл триарий, за шторой были слышны приглушённые стоны. Римлян никогда не интересовало, что происходило в этих помещениях, хотя за полупрозрачными шторами было видно, что там совокуплялось два человека. Триарий громко сказал:

– Сенатор Тиберий Гай Луциус, вам необходимо срочно прибыть в Сенат. Стоны прекратились и через некоторое время, откинув шторку, перед триарием стоял седой коренастый мужчина в белом халате. В разрезе штор старый солдат увидел юношу сидящего на лежаке.

– В чём дело солдат, – спросил сенатор.

– Вот письмо, – подал свиток триарий, – там всё написано.

– Хорошо.

– Вас сопроводить, – спросил он сенатора.

– Нет, меня сопровождают мои рабы.

Триарий повернулся и пошёл к выходу. Сенатор вернулся в помещение. На лежаке сидел его новый молодой любовник, его звали Плиний.

– Мальчик мой, меня срочно вызывают в Сенат, так что продолжим вечером.

– Сладкий мой, я не знаю, как мне дожить до вечера, – сказал юноша с женоподобным лицом.

– Всё, до вечера, – сказал, улыбаясь сенатор и игриво шлёпнул своего любовника по ягодицам.

Через полчаса сенатор Тиберий Гай Луциус в белой тоге с продольными пурпурными полосами и золотыми сенаторскими кольцами на пальцах, гордо с непроницаемым лицом патриция спустился в холл термы, где его ждал раб. Сенатор кивнул рабу и тот побежал на улицу. Патриций вышел за двери, шестеро рабов поставили перед ним носилки. Тиберий откинул шторку и сел внутрь, крикнув рабам: «Курия Юлия».

Курия Юлия, величественное здание высотой более двадцати метров для проведения заседаний Сената, воздвигнутое по приказанию Юлия Цезаря на месте сгоревшей курии Корнелия. Курия была построена из кирпича, стены и пол украшала мозаика из мрамора, на которую были посажены чёрные и белые бриллианты. Зал заседаний был рассчитан на триста сенаторов и обладал мощной акустикой. Места сенаторов были справа и слева от входа. Их кресла располагались на трёх ступенях, и чем выше сидел сенатор, тем выше было его положение в Сенате. На небольшом возвышении, напротив входа в зал, стояло бюро для председательствующего и роstr для выступающих, но они могли свободно перемещаться между секторами для сенаторов. Заседания Сената вёл либо сам император – первый из сенаторов или сенатор, которому он это поручил. На заседаниях Сената обсуждались важнейшие вопросы управления

громадной Римской империей. Все решения Сената имели силу закона, после утверждения их императором.

Шло заседание Сената. Сенатор Тиберий Гай Луциус слушал выступление сенатора Нумерия Тулиуса, тот говорил:

– Легат Первого Иллирийского легиона сообщает, что в результате экспедиции за пределы нашей провинции в Нижней Паннонии наши войска понесли существенные потери. Он делает вывод о том, что нам следует опасаться набегов варваров с этого направления. Поэтому легат Сервий Публий просит начать работы по возведению на границе фортификационных сооружений. И в этой связи я спрашиваю у вас «*Patres conscripti*» *, зачем нам нужен такой легат, который при первой же стычке с врагом выкидывает белый флаг?

Тиберий Луциус смотрел на этого добродушного толстяка и не понимал, как же ему удалось увести у него предыдущего любовника, красивого, молодого, атлета. Да этот Нумерий Тулиус конечно очень богат, но ведь он тоже заботился об этом юноше. Оплачивал его учёбу у лучших риториков и ораторов. Сенатор Тиберий Луциус не понимал в чём дело и поэтому с недавнего времени во всех прениях подвергал всё, что говорил Нумерий, самой жестокой критике, вот и сейчас, он поднял руку, прося слова. Председательствующий сенатор Марий Гай Аврелий кивнул ему. Тиберий встал и произнёс:

– «*Patres conscripti*», – он обвёл взглядом всех присутствующих и продолжил, – никто не сомневается в личной храбрости сенатора Нумерия, и в том, что на месте легата он сумел бы дать достойный отпор врагу, – Тиберий Луциус прервался, дав сенаторам вволю посмеяться над Нумерием, который никогда не служил в армии и должность свою купил, затем он продолжил:

– Но обстоятельства сложились иначе, враги стоят у границ империи, и мы не можем смотреть на это спокойно. Если легат Иллирийского легиона, а в его храбрости здесь никто не сомневается, предлагает начать работы по возведению защитных фортификационных сооружений, значит так и надо делать. Попрошу не забывать, что в стычке с варварами погиб центурион Марк Флавий.

– Тело центуриона не было найдено, поэтому думаю, что о его смерти говорить преждевременно, – добавил с места Нумерий.

– Это ничего не меняет в вопросе о начале работ, – Тиберий Луциус посмотрел своего оппонента, – и потом вдруг с издёвкой добавил, – а может наш смельчак Нумерий сам, лично проинспектирует положение дел в Первом Иллирийском легионе?

Нумерий едва заметно улыбнулся и ответил:

– Я не против, но тогда прошу направить вместе со мной и сенатора Тиберия Луциуса, что бы мне не так страшно было, – произнёс он под дружный хохот сенаторов.

Тиберия Луциус был просто в бешенстве, опять этот хитрый, как лис Нумерий обошёл его.

Предложение тут же было принято простым голосованием. Сенаторы приступили к обсуждению других вопросов.

Нумерий смотрел на своего визави с нескрываемой насмешкой. Он знал причину их противостояния в Сенате, и его это забавляло. Этот знатный патриций так кичился своим происхождением и прозябал в праздности. Нумерий нисколько не страдал от того, что купил свою белую с широкой пурпурной полосой сенаторскую тогу за два миллиона сестерциев, потому что он много работал, и миллионов у него было тоже много. У Нумерия были свои дела во многих провинциях империи. Он занимался поставками оружия римским легионам, строительством акведуков. В его собственности был целый флот торговых судов, снабжавших Рим пшеницей

из Египта и Африки. Нумерий получил письмо от Сервия Публия и потому он специально построил своё выступление так, что бы Сенат сам направил его в Нижнюю Паннонию.

Тиберий Луциус посмотрел на сенаторов, обсуждающих на своих местах выступления ораторов. Благообразные седые мужи, лучшие из достойных, представителей древнейших родов Рима. Этот город являлся центром мира, и управлял им с помощью Сената. И он, сенатор Тиберий Луциус, представитель одного из самых древних патрицианских родов имел полное право участвовать в этом управлении. Теперь сенатор пристально смотрел на Нумерия Тулиуса. Откуда они берутся эти богатенькие провинциалы, покупающие за бешеные деньги сенаторские тоги и право выступать в святой святых римском Сенате.

**«Patres conscripti» – отцы, внесённые в список Сената. (с сайта Википедии)*

– Кто я, где я, что со мной? – спросил Скору её любимый мужчина, которого, оказывается, зовут Марк. Скоря находилась в совершенно непонятном для себя состоянии, и, поэтому за неё ответило её женское естество:

– Ты мой муж, – произнесли губы, и Скоря, даже не успела испугаться этой своей лжи, как губы опять стали врать, – ты был на охоте, поскользнулся и упал в реку, ударился головой и потерял сознание, – девушка прижала свои губы рукой.

– Долго я был без сознания?

– Почти две недели.

– Почему ты испугалась?

– Ты очнулся внезапно.

– Мне холодно, иди ко мне, – попросил Марк.

Скоря опять утонула в синеве его глаз и пошла к «мужу». Его действительно опять начало трясти. Она легла рядом, накрыв его и себя одеялом, и осторожно положила свою голову ему на грудь.

– Я ничего не помню, – сказал Марк, продолжая трястись.

– Придёт время, всё, вспомнишь, – прошептала Скоря. Марк, почувствовав её тепло, стал к ней прижиматься, его руки заскользили по её телу. Девушка ответила ему поцелуем, их уста слились. Теперь всё было по-другому, его требовательные губы, нежные руки и Скоря вновь оказалась в сладком дурмане. Она снова, почти теряла сознание, его горячие губы приводили её в чувство, и она продолжала эти сладкие движения и поцелуи. Наконец утомившись и хорошо согревшись, они уснули.

Скоря проснулась ещё до рассвета. Рядом посапывал Марк, именно посапывал, просто спал. Скоря улыбнулась и тут же вспомнила о своей вчерашней лжи. От одной мысли, что Марка может не быть в её жизни у Скоры тревожно забило сердце. Для того, чтобы быть с ним она готова теперь на всё: работать от зари до зари, врать и даже убивать. Она потом сама ему расскажет, кто он на самом деле, а пока Марк только её мужчина. Скоря повернулась, чмокнула его, встала, оделась, взяла лук и стрелы и пошла на охоту. Мужчины ведь в основном питаются мясом.

Марк открыл глаза. Глаза постепенно привыкли к полумраку. Он сразу вспомнил, что было вчера. Скоря, его жена, они вчера занимались любовью. Он был на охоте, упал, ударился головой и пролежал без сознания две недели, больше он ничего не помнил. Хотя, Марк помнил, как к нему возвращалось сознание. Сначала он стал иногда понемногу слышать, как Скоря с ним разговаривала. Это чередовалось с провалами в какой-то мрак. Затем эти провалы становились всё меньше. Потом он стал чувствовать её руки на своём теле, и наконец, его тело

ответило, на прикосновения Скоры. Марк улыбнулся, вспоминая вчерашний вечер, ему было хорошо, как...

И тут он понял, что сравнивать свои ощущения ему было не с чем. Того, что было, до вчерашнего вечера Марк не помнил. Он стал осторожно двигать всеми конечностями, поднял вверх руки, развёл их. Пошевелил ступнями ног, затем согнул ноги в коленях, всё работало. Ну, а эта часть его тела, судя по всему, очнулась даже раньше него. Марк опять улыбнулся и попробовал встать. Он упёрся локтями и стал поднимать верхнюю часть туловища. Это давалось ему с трудом, но Марк продолжал подниматься. От напряжения его лоб покрылся каплями пота. В это время послышались шаги и в пещеру зашла Скора.

Марк в тусклом дневном свете, падавшем из расщелины, увидел светловолосую с голубыми глазами стройную девушку, одетую в тёмно-зелёные штаны и рубаху, подпоясанную коричневым широким кожаным поясом. В руках она держала лук и двух зайцев. Увидев, что Марк пытается встать Скора бросилась к нему:

– Не вставай, ты ещё очень слаб, – говорила она, укладывая Марка, обратно, – сейчас я сварю бульон, приготовлю мясо.

– Слушай, а где моя одежда, почему я голый?

– Ложись, ложись всё у тебя будет.

Марк послушно лёг, он и сам почувствовал, что пока в нём ещё не так много сил. Скора развела костёр и засуетилась с готовкой еды. Марк закрыл глаза и провалился в лёгкий сон. Ему снились какие-то большие каменные дома, люди, много людей...

Кто-то потряс его за плечо. Марк открыл глаза, это была Скора. Она улыбнулась и сказала:

– Давай я тебя покормлю, тебе надо набираться сил, – и подложила ему под голову какой-то предмет, затем на удивление сильными руками помогла принять положение полусидя.

– Скора у меня, когда я поднимаюсь, начинает кружиться голова.

– Ну, вот и не подымайся пока, давай я тебя покормлю.

– Я сам.

– Хорошо давай сам, – она дала ему деревянную ложку и держала перед ним глиняную тарелку с бульоном. Марк начал, было, есть, но голова закружилась, и он не мог попасть ложкой в тарелку.

– Давай милый я тебе помогу. Она взяла ложку и стала кормить своего мужчину. У Марка проснулся аппетит, поэтому Скора скормила ему всю тарелку и ещё небольшой кусочек зайчатины. Потом уложила его в постель и укутала одеялом. Марк положил свою руку ей на колено и спросил:

– Скора, а где все остальные люди?

– Они живут в деревне.

– А мы, почему там не живём?

– Вот ты выздоровеешь, и мы туда вернёмся.

– Ты знаешь, всё, что я видел перед собой вчера и сегодня мне знакомо, но я совершенно не могу вспомнить, что было до этого.

– Ничего милый, придёт время, ты всё вспомнишь, а сейчас поспи немного.

– Хорошо, – согласился Марк, закрывая глаза и почти сразу уснул.

Скора сидела подле него и с грустью думала: «Что если, когда к нему вернётся память, он бросит меня и вернётся к своим. Может сходить к колдунье и взять у неё той горечи, вчера ведь всё случилось и не один раз. Ладно, надо сначала к отцу сходить и вообще не надо бояться, всё будет хорошо». Она встала, сладко потянулась и вышла из пещеры.

Скора шла домой. На душе у неё было светло, хотелось петь. Солнышко стояло высоко, была середина лета, людей в деревне было мало, все занимались своими делами. Она поздоровалась с двумя женщинами, проходящими мимо, и повернула к своему дому. Отец Скоры был вождём племени южных свевов. На севере вождём был его родной брат Дидил. Отца звали Деян, он был одновременно и старейшиной рода Деянов. Всего в их племя входило восемь родов. На севере жило ещё десять родов свевов. С братом у отца отношения были не очень из-за постоянных земельных споров. Отец всё время предпринимал попытки их наладить, но видимо опять безрезультатно. Скора это поняла, когда зашла в дом. Отец сидел за столом и хмуро смотрел в окно. Крупный, сильный мужчина с седыми волосами и бородой. Он сжал свои здоровые кулачищи, лежащие на столе:

– Здравствуй тата, – поздоровалась она. Отец отвлёкся от своих тяжёлых мыслей и, улыбувшись, позвал её:

– Здравствуй моя красавица, ну иди же ко мне, я так давно тебя не видел.

Скора прильнула к нему, он её обнял. Ничего не изменилась с тех пор, когда она была маленькой, и отец брал её к себе на колени и прижимал к своей широкой груди. Вот и сейчас она опять чувствовала себя маленькой девочкой в объятиях своего отца, и Скоры было от этого очень хорошо и спокойно.

Наконец он её отпустил и Скора села на лавку напротив него. Отец внимательно смотрел на неё и, улыбувшись, спросил:

– Как у тебя дела дочка?

– Всё хорошо тата, – слегка зардевшись, ответила девушка.

– А у тебя?

– А, Дидил опять мутит воду.

– Что никак не удаётся договориться с ним о тех пастбищах?

– Я предлагаю ему использовать их по очереди, а он даже слушать меня не хочет, сказал, чтобы в следующем году нас там не было. Видно придётся новые пастбища искать.

Отец замолчал и ещё раз внимательно посмотрел на Скору:

– Ну а ты, чем тут занималась?

– Я тата сейчас на берегу живу, зайцев, куропаток бью, рыбу острожу.

– А чего пришла?

– Ты же меня сам позвал.

– Я просто увидеть тебя хотел.

– Тогда я побегу? – спросила дочка.

Отец хотел ещё, что-то её спросить, но не стал и, улыбувшись, отпустил её. Скора подскочила к нему, чмокнула и упорхнула. Деян облегчённо вздохнул, увидев в глазах дочери искорки, которые бывают у всех женщин, только когда они влюблены. Эти искорки скрыть невозможно.

О том, что произошло с его дочерью год назад, ему рассказала Митуса и попросила не донимать девушку. Она сама уже с ней поговорила, успокоила и сделала всё, что было необходимо. Никаких последствий у Скоры быть не должно, она просто должна всё это пережить и успокоиться. Деян был в бешенстве. На таких праздниках допускаются различные вольности, но только по обоюдному согласию. Тогда он отправил одного парня послушать разговоры среди мужчин о том, как они провели праздник Купалы. Кто, где, кого и как. Многие мужчины любят об этом похвастаться друг перед другом. В тот же день парень уже рассказывал вождю о «подвигах» мужчин его племени, но про Скору никто ничего не рассказывал. Поскольку Деян знал, где это всё произошло, он без труда вычислил насильника, видимо тот сам не понял, кем он овладел возле двух берёз. Через несколько дней самые верные дружинники Деяна высле-

дили этого бородатого мужика из соседнего рода. Они схватили его в укромном месте, связали, надели мешок на голову и сообщили вождю. Мужик весь затрясся, когда с него сняли мешок, и он увидел перед собой Деяна с ножом в руке.

– Ты в праздник Купалы овладел женщиной, которая стояла на четвереньках у двух берёз? – строго спросил вождь.

– Да было дело, – уныло отвечал тот.

– А ты знаешь о том, что подобное можно делать только по обоюдному согласию?

– Знаю, но я хмельной был, вот нечистый и попутал.

– А ты понимаешь, почему именно я сейчас стою перед тобой?

– Да, – мужик опустил голову и ждал самого худшего, ведь вождь племени никогда не простит ему свою единственную дочь.

– Ты останешься жить, но никогда и никому ничего не расскажешь.

Мужик поднял голову и с надеждой посмотрел на Деяна. Тот пристально посмотрел на него, в глазах вождя не было пощады. Деян кивнул своим ратникам. Ударом в челюсть мужика лишили сознания. Затем, разжали ему челюсти, небольшим крючком вытащили язык и Деян своими руками отрезал его. Язык он взял себе, завернув в тряпочку. Мужика сунули в рот тряпку, усадили на лошадь и отвезли в Дакию, где и продали в рабство. Конечно, Скоря обо всём этом никто ничего не сказал.

Всё это время отец внимательно наблюдал за своей дочерью. Он боялся, что с дочкой может случиться худшее, но с головой у неё было всё в порядке. Лишь в одном её поведение изменилось, она стала носить только штаны, отказавшись от платьев и юбок. И вот, наконец, сегодня Деян увидел, что его дочь влюблена и счастлива в этой своей любви.

Скора взяла в доме комплект мужской одежды, обувь и теперь спешила к своему возлюбленному. Когда она вошла, Марк сидел возле костра на деревяшке, приспособленной под сидение, закутавшись в одеяло, и жарил кусок мяса на углях, проткнув его толстой веткой.

От увиденного у Скоры тревожно забилось сердце:

– Зачем ты встал, тебе ещё нельзя?

– Очень кушать захотелось, – немного виновато проговорил Марк.

– У тебя же голова кружится, здесь твоя одежда, – и Скора положила на лежанку узелок.

– Хорошо, тогда дожарь мясо, – Марк передал ей ветку с куском мяса, и не вставая на четвереньках пополз к лежанке. У Скоры ёкнуло сердце от этой беспомощности её любимого мужчины. Она помогла ему и, уложив на лежанку, закутала в одеяло. У Марка от слабости опять выступили капельки пота на лбу. Скора вытерла ему пот, чмокнула в губы и стала дожаривать мясо.

Марк лежал, голова постепенно перестала кружиться, и он спросил у Скоры:

– Расскажи мне, как мы жили до моего падения. Я ничего не могу вспомнить, когда я пытаюсь это сделать, у меня начинает сильно болеть голова.

Марк говорил с трудом и медленно.

– Ну, вот видишь милый, тебе ещё рано вспоминать, давай подождём ещё пару дней, – произнесла Скора, снимая с угляй поджаренное мясо, – тебе сейчас надо много кушать.

– Ты права, надо поесть, произнёс Марк, самостоятельно садясь на лежанку.

– Давай милый, – подала она своему «мужу» тарелку с мясом и куском хлеба, – кушай.

Марк с аппетитом набросился на еду. Скора смотрела на него, как смотрели и смотрят все женщины в мире на своих любимых мужчин, когда они их кормят, подперев рукой свой подбородок. В её глазах играли искорки, сердце трепетало, а душа парила где-то под самыми облаками. Марк увидел её взгляд, прервался и спросил:

– А у нас дети есть?

– Пока нет, но уже скоро будут, – задумчиво и всё так же излучая искорки из своих глаз, ответила она.

– Не понял, что значит скоро, – переспросил Марк, дожёвывая кусок мяса.

– Давай ты отдохнёшь, а вечером поговорим.

Марк насытился и его стал морить сон, и он согласился. Уложив «мужа», девушка, сказала ему:

– Милый, ты поспи, а я к бабушке за мазью сбегаю, хорошо?

– Хорошо, – ответил Марк, уже засыпая. Скоря чмокнула его и уже на выходе, оглянувшись и подумала: «Только бы он не вышел из пещеры, надо что-то решать».

С этими мыслями Скоря быстро добежала до домика Митусы. Войдя внутрь, она увидела, что её дома не было, но небольшая печка топилась и на ней что-то варилось. Девушка присела возле стола и задумалась. Марк, так быстро и сильно вошёл в её жизнь, что теперь она даже не представляла себе своё дальнейшее существование без него. Но он римлянин, чужак для всех её соплеменников, включая отца, и даже возможно враг. И что будет, когда Марк вспомнит о том, кто он. За этими тяжёлыми мыслями Скорю застала колдунья Митуса. Она так тихо вошла в избушку, что девушка вздрогнула, когда увидела её на пороге с пучками каких-то трав в руках.

– Здравствуй дочка.

– Здравствуй бабушка.

– Завтра можете переселяться ко мне, – сказала она, улыбнувшись, – меня всё равно до морозов не будет.

– Бабушка, а откуда ты знаешь, и куда ты собралась? – спросила Скоря, обрадовавшись такому ходу событий.

– Надо мне в одно место сходить, давно уже собираюсь, а про вас я всё ведаю, – улыбнулась Митуса

– Бабушка, а что мне делать, когда он всё вспомнит?

– Ничего ты не сделаешь, люби его сейчас, тогда может и останется с тобой, – сказала ведьма, и внимательно посмотрев на Скорю добавила, улыбаясь, – да я вижу у вас с этим всё нормально, к весне понесёшь.

– Откуда вы знаете, – зарделась девушка.

– В глазах твоих милая прочитала.

Скоря опустила голову и опять задумалась.

– Дочка, смотри, я вот здесь оставляю горечь, в случае чего попьёшь и сбросишь, но только смотри, зелье поможет до полсрока безвредно.

– А если позже?

– Можешь умереть от потери крови.

Колдунья села рядом с ней, погладила Скорю по спине и сказала:

– Ты счастье своё разглядела, не пропустила, молодец, только ведь за него и побороться ещё надо.

– Как бороться, чем бороться? – спросила Скоря со слезами на глазах.

– Душой, теплом своей души, всегда отдавай тепла больше, чем берёшь, ну ладно всё хватит реветь, ты сейчас сильная должна быть.

– Спасибо тебе бабушка, – проговорила Скоря, вытирая слёзы.

– Это за что?

– За то, что приютишь нас, за травы, да мази лечебные, за доброту твою.

– Дом не мой, травы все в лесу растут, а добром своим всегда других одаривать надо, тогда оно и к тебе вернётся, может быть не сразу, но обязательно вернётся.

Скора положила свою голову ей на плечо и успокоилась.

– Как же ты быстро выросла и повзрослела дочка, – говорила Митуса, поглаживая девушку по спине, – да, ещё скажи своему, что зовут его Марек, а не Марк, во всяком случае, пока он всё не вспомнил, Марк римское имя, понимаешь?

– А я даже не подумала об этом.

– Ну ладно иди уже, скоро стемнеет, завтра я очень рано уйду, ты тут всё знаешь, какие, где травы, да мази, не зря ведь тебя учила, а горечь там, на полке будет стоять.

– Ладно, бабушка побежала я, – уже с порога сказала Скора, но потом вернулась, обняла, поцеловала в щёку, – а горечь не понадобится, – уверенно сказала она и умчалась.

Митуса смотрела ей вслед и думала о том, что в жизни человеческой нет большего счастья, чем любовь.

Скора, по едва заметной тропинке, возвращалась в свою пещеру. Счастливая улыбка блуждала по её лицу. «Как всё удачно складывается», – думала она. Домик колдуньи стоял в небольшой ложбине между холмами, густо поросшими лесом и поэтому был незаметен. Рядом с домиком било несколько ключей с холодной чистой водой. Все её соплеменники старались обходить стороной это колдовское место. «Видно боги за нас», – подумала влюблённая девушка, подходя к пещере.

Войдя во внутрь Скора увидела, что Марк, одетый в принесённую одежду опять жарит мясо. Он встретил её с улыбкой и словами:

– Я всё время хочу есть.

– Это же хорошо милый, значит, ты поправляешься, – Скора чмокнула его в щёку и села рядом.

– Просто зверский аппетит, – сказал Марк, – разломив кусок мяса пополам, – давай присоединяйся.

– Честно говоря, я тоже проголодалась.

Пужинав, они вышли из пещеры, и присели на камни недалеко от неё. Уже совсем стемнело и на чёрном небе заблестели мириады звёзд. Иногда небо прочёркивала короткие линии падающих звёзд. Они смотрели на это чудо и молчали. Скора загадала желание, она хотела сына.

– Красиво, – прервал молчание Марк.

– Да, очень, – задумчиво произнесла девушка, – завтра мы переселяемся.

– Куда, обратно в деревню, в наш дом?

– Нет, в деревню тебе ещё рано.

– Ты знаешь, я всё время пытаюсь вспомнить свою жизнь, но мозг не пускает меня в прошлое и у меня начинает сильно болеть голова.

Они некоторое время просто сидели и любовались ночным небом. Скора хотела уже достать его военную одежду и показать, но после этих слов передумала.

– Возможно, всему своё время и не надо его торопить, – произнесла она и обняла Марка.

Он погладил её руку и согласился:

– Ты права, не будем торопиться, пойдём спать любимая.

У Скоры сладко забилось сердце, он впервые её так назвал.

В эту ночь он поразил её своей неутомимостью. Он целовал ей губы, шею, грудь, животик. Ей иногда казалось, что его губы были везде. Скора, ещё в самом начале могла контролировать себя, когда «теряла сознание», потом всё слилось в сплошную феерию чувств. Бабочки просто сходили с ума внизу её животика. Они уснули только под утро.

Утром, прихватив все свои нехитрые пожитки, они направились в домик ведьмы. Скора не стала трогать спрятанную амуницию Марка, оставив её в пещере до лучших времён. Скора шла впереди, Марк следовал за ней, у него слегка кружилась голова, поэтому шли не очень быстро. Он вдруг сказал, обращаясь к своей «жене»:

– Знаешь, в моей памяти сейчас всего лишь несколько дней из моей жизни, но мне настолько хорошо с тобой, и мне кажется, что так было всегда.

– Мне тоже очень хорошо с тобой и так будет всегда, – ответила Скора и сразу загрустила. Она шла и думала о том, что конечно в его жизни уже были женщины, возможно, ему с ними было лучше, чем с ней. Скорее стало совсем грустно, убегая от этих мыслей, она незаметно для себя ускорила шаг. Марк едва поспевал за ней. Дальше они шли молча.

Уже на подходе к домику он обратил внимание на лук и стрелы за спиной Скоры. Марк попросил дать их ему. Они остановились. Марк вертел их в руках, Скора с интересом наблюдала за ним. Вдруг Марк быстро и правильно взял стрелу и натянул тетиву, потом посмотрел на деревья в лесу. На одном из них, шагах в пятидесяти сидела большая тетёрка. Он прицелился и отпустил тетиву. Тетёрка, пронзённая стрелой, упала на землю. Марк обрадовался, как ребёнок и почти побежал за своей добычей, но через несколько шагов, вскрикнул и упал. Скора бросилась к нему. Марк сидел на земле и пытался вытащить ступню, которая попала в расщелину. Она помогла ему, но теперь ступить на эту ногу он не мог. Забрав убитую тетёрку, Скора, поддерживая Марка за пояс, повела его к дому. В домике девушка уложила его на лежанку и быстро сняла с него обувь. Ступня начала распухать. Скора поискала на полке нужную мазь, смазала ногу и наложила тугую повязку. Всё это время Марк морщился от боли и потом спросил:

– Скора, я в прошлом был охотник?

– Возможно, – ответила она и села возле него.

– Что значит, возможно?

– Марк, я не твоя жена, – грустно сказала Скора и опустила голову, – я выловила тебя в реке, ты был ранен и без сознания, – очень тихо сказал Скора.

Они просто молчали. Скора, с ужасом думала о том, что теперь он её отвергнет. Марк вспомнил всё что помнил, как Скора заботилась о нём, как ему было хорошо с ней. Её ласковые руки и горячие губы. Он попытался вспомнить, что было с ним до этого, и у него опять заболела голова. Марк взял Скору за руку и тихо сказал:

– Мне очень хорошо с тобой, я не помню свою жизнь, но я сердцем чувствую, что мне ни с кем так не было хорошо, как с тобой.

У Скоры от этих слов, перехватило дыхание, но она нашла в себе силы сказать ему:

– Можно я буду тебя называть не Марк, а Марек, хотя бы в присутствии других?

– Почему?

– Так будет безопасней, Марк – римское имя.

– А что в именах людей бывает опасность?

– Да, иногда такое случается.

Немного подумав, он сказал:

– Странно, что меня зовут Марк, я не забыл, а что оно римское совершенно не помню, хорошо пусть будет Марек, – он внезапно сел, схватившись за виски, застонал, – голова, ужасно болит голова.

Скора вскочила, уложила его обратно:

– Подожди, полежи, я быстро.

Она положила ему на голову влажный компресс, потом напоила снимающей боль настойкой. Он успокоился и задремал. Скора немного посидела возле своего любимого, вздохнула и пошла разделять добытую мужчиной тетёрку.

Марку снились войны, их было много, и он был среди них с мечом в руках. Они стояли в строю и чего-то ждали. Потом послышался вой и на них бросились другие войны с мечами и в шкурах. Началась ужасная сеча. Войны отрубали друг другу руки, головы, вспарывали животы, вокруг текли реки крови. Марк отчаянно сопротивлялся, он тоже убивал и калечил врагов и при этом кричал во всё горло. Он очнулся от прохлады на лбу. Марк не сразу понял, где он находится, но это была Скора. У неё были испуганные глаза, и она накладывала ему на голову влажный компресс:

– Тебе что-то приснилось, ты так громко кричал?

– Мне снилось, что я солдат и сейчас был в страшной рубке.

Скора просто обняла его, и положила свою голову Марку на грудь. Её ладошки гладили его по волосам, шее, лицу.

Марк замолчал и стал постепенно успокаиваться. Прохладный компресс и её ласковые руки вскоре сделали своё дело, и он, обняв Скору, опять задремал.

Скора смотрела на любимого и вспоминала о том, как внезапно Марк ворвался в её жизнь. Она думала о том, как он её изменил. То чувство, которое она к нему испытывала не было похоже ни на что. Это был восторг, и в тоже самое время, не совсем понятная грусть. Теперь к этому всему добавлялся страх, страх потерять своего мужчину. Какие-то невидимые нити всё сильнее и сильнее привязывали её к нему. Скора хотела быть с Марком всё время, есть, спать с ним, ходить на охоту, за рыбой, что угодно делать, но только рядом, вместе. Она трепетала от его сильных рук, его голоса, его губы и поцелуи приносили ей столько счастья, а иногда просто лишали чувств.

Скора осторожно выскользнула из объятий Марка, слегка прикоснулась губами к его щеке и принялась готовить ужин. Случайно ей на глаза попался пузырёк с горечью. Она решительно встала, взяла его и засунула подальше за печку. Немного в стороне она увидела маленький бочонок, в таких обычно хранили медовуху, он был наполовину полон. Скора улыбнулась и решила, что сегодня можно устроить небольшой пир, по случаю того, что она рассказала Марку почти всю правду. А дальше, а дальше будь, что будет, решила Скора, склонившись к жарившейся на вертеле тетёрке.

Марку снилась очень красивая женщина в белой тунике, с тёмными локонами волос убранных в красивую причёску. Она смеялась, целовала его и приговаривала: «Марк, сыночек мой, как я тебя люблю, ты моё самое главное богатство». Значит, это была его мама, да, да, да, теперь он узнал её. Марк был ребёнком, он потянул к ней свои ручки. Мама погрозила ему пальчиком и сказала: «Нет, Марк, ты уже большой, давай сам, ну иди ко мне, иди, иди, не бойся» и протянула к нему свои руки. Марк тоже протянул к маме ручки и пошёл. Он сделал всего несколько шагов и стал падать. Мама подхватила его на руки и, смеясь, стала целовать. Марк прижался к ней. Ему было так хорошо у мамы. Он обнимал её и шептал: «Мама, мама».

Скора приготовила ужин, порезала мясо и хлеб, налила в кружки медовухи и подошла к Марку разбудить его. Марку опять что-то снилось, но теперь видимо хорошее и родное. Он был спокоен, но на его ресницах блестели слёзы. И вдруг она услышала, как Марк что-то шепчет, как будто зовёт кого-то. Скора тихо отошла от любимого и села, возле стола давая ему проснуться самостоятельно. Она уже знала, что снилось Марку. Ей тоже иногда снилась мама.

Марк проснулся, открыл глаза. Возле стола сидела Скора и смотрела него. В её глазах было столько же нежности и любви, как и в глазах мамы. И от этого у Марка защемило сердце. Он улыбнулся и встал. Немного хромя подошёл к столу:

– Здравствуй, любовь моя, – сказал он и поцеловал Скору в губы.

– Здравствуй, – ответила она, – садись, будем ужинать, – и украдкой смахнула слезу.

– Я опять зверски хочу есть, – Марк хотел уже наброситься на еду.

– Подожди милый, – остановила его Скора, – давай медку попробуем, – заулыбалась она, – для настроения.

– Никогда ещё не пробовал хмельной мёд, – улыбнулся он.

Они немного выпили, и Марк принялся на еду. Скора, с умилением наблюдала за ним.

– Тебе снилась мама? – спросила она.

– А откуда ты знаешь, – удивлённо спросил Марк.

– Мне так кажется.

Марк сразу загрустил. Скора положила свою руку ему на колено и ответила за него.

– Мне самой иногда снится моя мама.

– А где она?

– Она умерла, когда я была ещё совсем маленькой.

– А я пока не помню, где моя мама.

Теперь они загрустили оба. Скорее не хотелось, чтобы Марк печалился, поэтому выпив ещё немного медовухи, Скора начала рассказывать всякие смешные истории из своей жизни. Он сначала просто слушал её, но постепенно стал улыбаться, а через некоторое время уже смеялся вместе с ней. Потом они вышли на улицу. Уже стемнело, и небо опять было усеяно звёздами. Скора и Марк стояли, взявшись за руки. В небе падали две звезды навстречу друг другу. Он прижал её к себе. Она с трепетом отвечала на его жаркие поцелуи. Ещё немного постояв, они вернулись в дом.

Сегодня Марк был с ней настолько нежен, что Скорее в какой-то момент показалось, что они, занимаясь любовью, летят к прямо звёздам. От этого у неё захватывало дух, и Скора, ещё сильнее прижималась к своему любимому мужчине.

Марку опять приснилась мама. Во сне он был уже большим ребёнком, потому что она с ним говорила об учёбе. «Марк, когда ты вырастешь, то конечно станешь солдатом, и я хочу, чтобы среди всей крови и грязи, которую тебе предстоит пройти, ты всегда оставался человеком. Никогда не пренебрегай знаниями, учишься, читай, всё время, в любую свободную минуту». Она говорила это и гладила его по голове. Марк проснулся, рядом спала Скора, разметав свои льняные волосы по подушке. Её алые губки и обнажённая, красивой формы небольшая грудь с розовым соском манили его. Он осторожно поцеловал Скору в губы. Она смешно сморщила свой красивый носик, но не проснулась. Марк заботливо прикрыл её одеялом. Лечебная мазь колдуньи, сделала своё дело, опухоль на ноге у Марка исчезла. Марк осторожно встал и, одев только штаны, с голым торсом почти не хромя вышел из дома.

Было раннее утро, солнце ещё только начинало подниматься. Лес вокруг дома стал наполняться пением птиц. У Марка почувствовал в себе мощный прилив сил. Внезапно он начал размахивать руками, приседать, отжиматься от земли. Всё это происходило само собой, помимо его воли. Хорошо разогрев свои мышцы, он увидел неподалёку приличного размера камень. Марк легко поднял его и стал выжимать камень над своей головой. Мышцы и вены от напряжения вздулись. Вдоволь, до пота позабавившись с камнем, Марк осторожно, чтобы не шуметь, положил камень обратно и пошёл к одному из родников умыться.

Скора проснулась со счастливой улыбкой на лице. В лесу уже громко щебетали птицы. Она не глядя, протянула руку, но её мужчины рядом не было. Скора села на постели, Марка нигде не было. Накинув на себя одеяло, она вышла из дома и опять его не увидела. У неё тревожно забилось сердце. Всё её существо боялось, что Марк, вспомнив кто он, вернётся к своим. Скора продолжала стоять, кутаясь в одеяло. Его нигде не было. Пичуги безучастно прыгали по веткам, им не было до неё никакого дела. От всяких нехороших мыслей у Скоры в уголках глаз появились маленькие слёзки. Внезапно она увидела Марка. Он шёл от ключа, раздетый по пояс, красивый, сильный мужчина, которого она так любила. Марк увидел её и заулыбался. Скора не выдержала и побежала к нему навстречу. За несколько шагов до него с неё соскользнуло одеяло, не обращая на это никакого внимания Скора обнажённая бросилась к любимому. Марк обнял её, и она тихонько захныкала у него на груди:

– Ты ведь не бросишь меня?

– Ну что ты глупенькая, я никогда тебя не брошу, – ответил Марк, поглаживая её по спине и волосам.

– Марк, я очень-очень тебя люблю, и если ты уйдёшь, мне кажется, что я просто умру, – зашептала она и подняла на него свои полные слёз глаза.

Он поцеловал её, затем подхватил на руки и унёс в дом.

Они просто лежали рядом и нежились в истоме после бурных ласк. Марк вдруг попросил:

– Расскажи мне о вашем народе.

– Расскажу, обязательно расскажу, – Скора села на постели, – только давай сначала позавтракаем.

– Хорошо милая, – Марк стал одеваться.

Скора, быстро одеваясь, на ходу поцеловала его и стала готовить еду.

За завтраком они решили для пополнения запасов заняться охотой и рыбалкой. Прихватив лук и стрелы Марк и Скора направились на берег реки.

По пути Скора начала ему рассказывать о племени свевов, так они сами себя называли:

– Наши предки жили далеко на востоке и были степными воинами. Потом они сместились на юг и стали жить у моря. Там они объединились ещё с одним племенем и жили вместе до тех пор, пока с востока не пришли дикие племена. Наши племена, мужчины и женщины долго с ними сражались, но врагов было так много, что наши предки решили просто уйти. По пути нашему племени опять пришлось много сражаться, никто не хотел уступать своих земель. В конце концов, мы оказались здесь.

– Ты сказала, что вместе с мужчинами сражались и женщины, – прервал её Марк.

– Да, раньше незамужние женщины нашего племени были воительницы и принимали участие во всех сражениях наравне с мужчинами.

– А теперь?

– Наше племя понесло большие потери, продвигаясь к этим землям, поэтому старейшины решили, что женщины племени не будут воевать наравне с мужчинами, потому что должны рожать как можно больше детей. Вот уже десять поколений наши женщины берутся за оружие только в самом крайнем случае, но меня отец научил стрелять из лука и владеть мечом.

– Даже мечом, – усмехнулся Марк.

– Да, представь себе, – улыбнулась ему Скора, потом очень быстро и ловко сняла лук, взяла стрелу, прицелилась куда-то в сторону деревьев и выстрелила. Марк увидел, как с дерева упала тетёрка. Они подобрали добычу и вышли на берег реки. Там вооружившись острогами стали охотиться на рыбу. Здесь больше повезло Марку, он сразу увидел большую рыбину, стоящую в потоке воды на отмели. Подкравшись, он точно ударил её, и пронзённая рыбина забилась на его остроге. Марк в азарте обрадовался, как ребёнок, схватил рыбину двумя руками

и побрёл к берегу. Рыбина была действительно очень большой, и она всеми силами пыталась вырваться из его рук. Уже на берегу, она хвостом несколько раз ударила Марка по лицу и упала между камней. Марк бросился на неё сверху и своим телом прижал её к земле. Скора, глядя на всё это, звонко засмеялась. В это время с другого берега её кто-то позвал.

Скора обернулась. На другом берегу стоял седой, как лунь старик в одежде из шкур. Она узнала его, это был волхв их племени, его звали Вукил. Он жил отшельником где-то между северными и южными родами и совершал жертвоприношения от имени всего племени. Все считали его колдуном и боялись так же, как и их колдунью Митусу.

– Скора, – спросил он, пристально глядя на Марка, – а где Митуса?

– А её нет, она ушла к северным родам.

– А это кто, что-то я не узнаю этого воина?

– Это Марек, мой будущий муж, – сказала Скора, густо покраснев.

В это время Марк уже утихомирил свою рыбину и, поздоровавшись с незнакомцем, подошёл к Скору. – он не из нашего племени, – добавила она.

– Из какого ты племени воин? – спросил Вукил, продолжая пристально смотреть на Марка.

– Он из Дакии, – быстро ответила Скора.

Вукил ухмыльнулся:

– Быстро же ты Скора лишила своего мужчину права голоса.

– Я просто не слышал вопроса, – сказал Марк на языке даков.

– А откуда ты, – на этом же языке спросил его Вукил.

– Я, из Мезии.

– Знаю такое место, – затем, уже обращаясь к Скору, на её родном языке спросил, – свадьба то будет красавица.

– Мы сообщим, – ответила Скора, опять покраснев.

– Ну, я вижу у вас тут всё уже хорошо, – улыбнулся старик, – пойду я, – и пошёл вдоль берега.

Марк и Скора молча, смотрели ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

– А откуда ты знаешь язык даков, – спросила Скора, облегчённо вздохнув.

– Мне кажется, что я знаю много языков, – ответил Марк, потом улыбнувшись, спросил, – так что ты там насчёт мужа и свадьбы говорила?

– Отстань, сказала, что первое на ум пришло, – поджав губки, ответила она, и высокомерно задрал свой красивый носик, пошла в сторону дома, – иди, обнимайся дальше со своей рыбой, – бросила Скора через плечо.

Улыбнувшись, Марк легонько взял её за локоть, развернул к себе и прильнул к этим плотно сжатым губам, впрочем, через несколько мгновений эти губы разжались и ответили ему сладким поцелуем.

С трудом оторвавшись друг от друга, прихватив с собой рыбину, они пошли в сторону дома. Скора приготовила обед, зажарив рыбину на углях. После еды они прилегли немного отдохнуть. Марк попросил Скору продолжить свой рассказ о её племени. Она улыбнулась и стала рассказывать.

Когда наши предки пришли на эти земли, здесь жило небольшое племя похожих на нас людей. Они встретили нас очень дружелюбно, и мы стали жить вместе. Мы научились у них плавить металл, кузнечному делу и обрабатывать землю. Это были добрые и очень красивые люди с тёмными волосами. Их девушки стали выходить замуж за наших мужчин, а их мужчины

стали брать в жёны наших женщин. От этого в нашем племени уже родилось много здоровых воинов и красивых женщин.

Марк спросил:

– У тебя светлые волосы, это значит, твой отец взял в жёны свою прежнюю соплеменницу?

– Нет, моя мама была рождена уже в смешанном браке, но во мне проявились все черты наших далёких предков. Сразу после рождения меня осмотрели наши старейшины и сказали, что во мне живёт их дух.

– И что это значит, – спросил Марк.

– Дело в том, что до того, как поселиться на этих землях вождя племени выбирали старейшины родов. Это низменно вызывало внутренние распри, иногда приводившие к кровавым схваткам. В них гибли наши лучшие мужчины. Поэтому, когда вождём племени стал мой прапрадедушка и сумел прекратить все распри, старейшины решили, что дальше вождями будут становиться только потомки нашего рода и передавать свою власть по наследству.

– А почему они так решили?

– Потому что на протяжении нескольких поколений, когда старейшины избирали вождями потомков моего рода, наше племя процветало.

– У тебя есть братья?

– Только двоюродные.

– Значит, ты дочь вождя и когданибудь сама можешь встать во главе племени?

– Это не совсем так, – тяжело вздохнула Сора и продолжила, – моя бабушка родила двойню, двух мальчиков близнецов. Роды были тяжёлые и в суматохе забыли отметить первенца. Обычно в таких случаях старшему сыну повязывают на ручку тряпочку. Так в нашем племени получилось два вождя, мой отец и мой дядя. Когда мой дед умирал, то передал свою власть двум своим сыновьям близнецам, разделив все владения на северные и южные территории, и обязал их передавать друг другу власть верховного вождя каждый год.

– И кто теперь верховный вождь?

– Десять лет назад мой дядя отказался передать власть верховного вождя моему отцу, и с тех пор их отношения испортились.

– А почему твой отец силой не потребовал от своего брата выполнить завещание отца?

– Во-первых, мой отец всегда был против братоубийственных войн. Во-вторых, их просто больше, тех, кто живёт на северных территориях.

Сора замолчала. Марк видел, как по её красивому личику побежали тени неприятных воспоминаний и не стал её больше беспокоить своими расспросами.

Сора вспомнила свой последний визит к дяде. Это было в прошлом году накануне праздника Купалы. Отец взял её с собой, как ей тогда показалось не просто так, и она не ошиблась. Приняли их радушно. Дядя позвал к себе в гости всех старейшин своих родов и устроил настоящий пир. Сора заметила, что некоторые старейшины были со своими взрослыми сыновьями. Пока гости угощались, эти молодые мужчины просто рассматривали её, как некий свой будущий приз. Через некоторое время среди этих молодых мужчин возник какой-то спор, который постепенно грозил перерасти в потасовку. Вождю Дидилу удалось успокоить разгорячённых мужчин, но он сообщил Соре, что она является причиной этой ссоры. Девушке это сразу не понравилось, тем более что её взгляд ни на ком из них не остановился. Всем этим руководил дядя и его сын Януш, поэтому, когда спор претендентов на её сердце опять вспыхнул и гости были уже навеселе, они предложили выйти всем во двор, где молодцы могли выяснить свои отношения.

Скора сразу отказалась выходить вместе со всеми, но отец уговорил её поприсутствовать. Дочь, ради отца всё это вытерпела, и сразу после окончания жестокой драки, даже не взглянув на победителя, покинула дом своего дяди. Отец остался, а Скора на лошади добралась до дома самостоятельно. Отец приехал поздно вечером, когда Скора уже была в постели. Она видела, что он был очень расстроен. Скора подошла к нему обняла:

– Прости меня тата, но мне было очень неприятно ощущать себя вещью.

– Наверно ты права, но это был последний шанс помириться с Дидилом.

– Но мне ведь никто из них не понравился.

– Я ни в чём тебя не виню дочка, чтобы быть счастливым в этой жизни, семью надо создавать по любви.

– Как у вас с мамой? – спросила Скора и чмокнула в щёку самого дорогого ей на этом свете человека.

– Да солнце моё, – улыбнулся ей посветлевшим лицом отец, – как у нас с мамой, ладно иди спать.

– Я люблю тебя, – она ещё раз чмокнула отца и пошла спать.

Скора оторвалась от своих грустных воспоминаний. Марк дремал рядом, она тихонько встала, и пошла во двор ощипывать, добытую ими тетёрку. Марку снился отец. Он говорил ему:

– Марк ты всегда должен помнить, что принадлежишь к древнему римскому роду Флавиев. Нашими прародителями были Ромул и Рем, которые были вскормлены молоком волчицы, поэтому римские воины самые смелые и сильные в мире.

– Я знаю об этом отец, – отвечал ему юный четырнадцатилетний Марк.

Отец, улыбаясь, потрепал его по щеке:

– Сын, скоро ты вырастешь и станешь римским легионером, и я хочу, чтобы ты всегда помнил, история Рима длится уже почти тысячу лет, и нет на свете государства сильнее нашего. Мы победили македонскую фалангу, победили и разрушили Карфаген, Рим выстрадал и завоевал своё право управлять этим миром, и всякого кто будет сопротивляться этому праву, мы будем жестоко карать. Отец опять потрепал его по щеке и исчез.

Марк проснулся и просто лежал с открытыми глазами «Значит я римлянин» – думал он, – «И, судя по рассказам Скоры, я враг для её народа», – но его память упрямо молчала. Марк встал, в доме никого не было, и он вышел во двор. Скора шла от родника к дому, держа в одной руке общипанную тетёрку. Марк решил пока не рассказывать о своём сне и, улыбаясь, пошёл ей навстречу. Она тоже улыбалась ему. Он обнял её, прижал к себе и щекой гладил её волосы. Скора прижалась к нему и, не поднимая занятых рук, положила ему на грудь свою голову. Марку не хотелось её отпускать:

– Я люблю тебя, – прошептал он ей на ушко, – очень люблю.

– И я тебя, – прошептала Скора, ей хотелось остаться в объятиях Марка навсегда.

Марк уже заметил, что всякий раз, когда их тела соприкасались, он получал от Скоры мощный прилив сил. Это могло означать только одно, эта женщина действительно любила его. Он нежно поцеловал её, и они зашли в дом.

Пока они вместе готовили ужин, Скора рассказывала Марку о богах, которым поклонялись её соплеменники. Главным у них был Святовит, он был богом неба и вселенной. Вторым по значению считался Перун, он покровительствовал воинам. Затем следовал Дажьбог, которому надо было поклоняться, чтобы всё было хорошо в жизни племени. Ещё был Семаргл, он отвечал за урожай. За плодородие среди людей отвечала богиня Макошь.

Внимательно выслушав свою возлюбленную, Марк спросил её о христианстве. Скора слышала об этой новой религии, но сути её не понимала. Так разговаривая, они вместе при-

готовили ужин и поужинали. После ужина они вышли во двор и, обнявшись, любовались ночным небом.

Марк неожиданно серьёзно спросил:

– Так что там со свадьбой и мужем?

– Почему ты спрашиваешь об этом, – задумчиво ответила Скора.

– Обычно все влюблённые думают об этом.

– Значит, ты тоже думаешь об этом?

– Конечно, иначе бы не спрашивал.

Скора немного помолчала, и с чёртиками в глазах ответила:

– По законам нашего племени, ты сможешь стать моим мужем только через два года.

– Почему, – спросил Марк, удивлённо посмотрев на неё.

– Ты мой пленник!

– И что это значит?

– Ты не из нашего племени, я выловила тебя в реке и взяла тебя в плен, – загадочно улыбаясь, отвечала Скора, – теперь ты два года будешь выполнять все мои желания.

– И чего желает моя госпожа? – улыбаясь, подыграл ей Марк.

– У твоей госпожи очень много желаний, но к выполнению одного из них ты можешь приступить немедленно!

– Я всё понял, – сказал Марк, подхватывая свою госпожу на руки.

Скора обняла Марка за шею, и он унёс её в дом.

Глава III

Константин проводил смотр одного из своих легионов, когда ему доложили о прибытии его матушки и жены с сыном. Константин сразу же направился в свою резиденцию. Подскакав к дворцу, он спешился и бегом поднялся по лестнице к матери, которая ждала его в небольшом садике:

– Здравствуй мама, – обратился он к женщине в чёрной траурной одежде.

– Здравствуй сынок, ты тоже в трауре, – провела она рукой по небритым щекам Константина и уткнулась в его грудь.

– Я любил отца, – ответил он, прижимая мать к себе.

– Я знаю, – всхлипнула она.

– Мама, отец перед смертью попросил у тебя прощения, он любил тебя.

– Чего уж теперь, Бог простит, – женщина перекрестилась и разрыдалась ещё больше.

Константин поглаживал мать по спине и ждал, пока она успокоится. Двенадцать лет назад, отец, для успешной политической карьеры, был вынужден расстаться с матерью и жениться на Феодоре приёмной дочери Максимиана Геркулия. Вспомнив об этом, Константин почему-то сразу подумал о своей жене:

– А где Минервина? – спросил он у матери.

– Она Криспа спать укладывает, – ещё всхлипывая, ответила Елена.

– Рано ещё вроде, – улыбнулся Константин.

– А он сегодня ни свет, ни заря проснулся, тебя встречать ходил.

– Тогда надо к нему сходить, – забеспокоился отец.

– Конечно, сходи, может ещё не уснул, – ответила мать, уже успокоившись, вытирая слёзы, – я здесь на воздухе посижу.

– Обещай, что не будешь больше плакать, – заботливо попросил сын.

– Беги, беги уже, – улыбнулась в ответ Елена.

Ноги сами понесли Константина к жене. Он вошёл во дворец, пройдя мимо охраны, пошёл по коридору к комнате, которую заранее приготовил для сына. Константин увидел Минервину выходящей из этой комнаты. Она увидела его, и улыбаясь, приложила свой пальчик к губам. Константин поспешил к ней:

– Здравствуй любовь моя, – тихо произнёс он, целуя Минервину.

– Тихо, только уснул, – ответила она, обнимая мужа.

Их уста слились в жадном поцелуе, Константин взял её за руку и они вошли в комнату напротив, эта была их спальня.

– Я смотрю, ты основательно подготовился, – засмеялась Минервина.

Константин только мычал, снимая с неё одежду.

– Ты хоть меч не забудь снять, – продолжала смеяться жена.

Константин опять промычал что-то невнятное, отбросив меч в сторону, увлёк её в постель.

Минервина лежала на руке у мужа, постепенно отходя от их необузданной страсти. Она слушала, как бьётся его сердце и тихо улыбалась. Она любила этого мужчину, а он любил её, Минервина была счастлива. Константин гладил волосы Минервины, на душе у него было тихо и спокойно. Любимая была рядом, в соседней комнате спал его маленький сын, и сейчас ему казалось, что большего счастья в жизни не бывает.

Елена сидела на лавочке возле дворца и вспоминала своего покойного мужа Марка Флавия Валерия Констанция. Для неё он всегда был просто Констанцием. Они познакомились на конной станции недалеко от Никомедии, где она, помогая отцу, работала в трактире, разливая путникам вино. Она была девушкой строгих правил, за словом в карман никогда не лезла

и любого, кто пытался к ней приставать в трактире, с успехом отваживала. Однажды в этом трактире появился высокий, красивый офицер с необычайно белым лицом, он сразу же ей приглянулся. Через несколько дней Констанций появился вновь и заговорил с ней. Её девичье сердце запрыгало от счастья. Так она поняла, что влюбилась, и ей показалось, что он тоже к ней не равнодушен. Затем он пропал на целый месяц, но Елена почему-то была уверена, что обязательно его увидит. И он пришёл, не просто пришёл, а признался, что любит её и предложил ехать с ним в Рим. Она была готова ехать с ним куда угодно. Её отец был не против, тем более что Констанций заплатил ему за целый год её работы. Так она стала его конкубиной, то есть неофициальной постоянной сожительницей, но Констанций всегда называл её только женой. Вскоре родился Константин и, хотя муж часто бывал в походах, она была счастлива. Он тоже, Елена это чувствовала, во всяком случае, присутствия в его жизни других женщин она не замечала.

Так длилось более двадцати лет. Константин вырос и как отец поступил на военную службу. Двенадцать лет назад император Максимиан Геркулий решил усыновить её мужа Констанция с тем, чтобы впоследствии предложить ему должность цезаря в Римской империи, но обязательным условием был брак с его приёмной дочерью Феодорой. Елена хорошо знала и любила своего Констанция, поэтому отпустила. Она просто отошла в сторону не мешая делать ему карьеру. Сын Константин заботился о ней, а она продолжала любить их обоих. Елена нашла утешение в христианстве. Поэтому, сейчас, сидя на лавочке возле дворца цезаря, её сына Константина, она помолилась за то, чтобы у сына всё было по-другому. Ведь он уже стал императором и имел законную жену, а не сожительницу. С невесткой Минервиной Елена жила очень дружно и радовалась за них с Константином всей душой.

Попрощавшись со Скорой, Вукил решил зайти к её отцу. Он сразу понял кто такой этот Марек, это был римлянин, который очень хорошо знал язык даков. Дочь вождя и римский солдат, в которого она влюблена. За свою долгую жизнь волхв видел всякое. Он знал случаи, когда женщины влюблялись во врагов племени, племя изгоняло их, и они уходили вслед за своими возлюбленными. Бывало и воины уходили в чужое племя к своим любимым женщинам. Волхв знал, что любовь настолько сильное человеческое чувство, что не поддавалось даже воле богов. Римляне, конечно враги для них, но возможно это тот самый римлянин, который поможет его племени избежать прямого столкновения с римской армией. Народ севов был не в силах противостоять самой сильной в мире армии римлян. С этими мыслями Вукил подошёл к дому вождя племени.

– Доброго здоровья и всех благ тебе вождь, и твоему роду, – поприветствовал волхв Деяна, который встретил его у дверей.

– И тебе доброго здоровья, давно я тебя не видел, – ответил ему Деян, – проходи, очень рад тебя видеть.

– Вижу, что всё дела, да заботы тебя гложут.

– Да ты прав, беспокойно у меня на душе, но давай прежде перекусим, а потом и поговорим.

– Я с удовольствием, маковой росинки с утра во рту не было.

Вождь посадил дорогого гостя за стол. Они перекусили холодным жареным мясом с хлебом, запили его парным молоком. Женщины, помогавшие вождю по хозяйству, убрали со стола и вышли.

– Я утром на реке встретил твою дочь, и она была не одна, – сказал Вукил, глядя прямо в глаза вождю.

– Знаю я, что она не одна, мне Митуса всё рассказала.

– Ну, и что ты обо всём этом думаешь?

– Ты же знаешь Скора у меня единственная дочь и её счастье мне дороже всего.

- Это всё так, только ведь он римлянин, а дочка твоя похоже уже тяжёлая от него.
- И про это я знаю, – вождь тяжело вздохнул, – вот и ломаю себе голову, Митуса сказала, что он вроде пока не помнит кто он, а когда вспомнит, что тогда будет.
- Любит она его Деян, ой, как любит.
- Вот и я о том же, не знаю, что делать, жду вот, когда придёт и сама всё расскажет.
- Завтра придёт, – улыбнулся Вукил, вспомнив, как Скора соврала ему про то, что Марек дак.
- Давно уж пора отцу-то родному сказать, что замуж собралась.
- Ты ведь закон знаешь, замуж сразу не получится, только через два года, когда люди его своим признают, – вздохнул Вукил
- Угораздило же её в римлянина влюбиться, – сокрушённо сказал Деян.
- А что римлянин не мужчина, – усмехнулся Вукил, – ты знаешь, может его нам сам Дажьбог послал.

Вождь внимательно посмотрел на Вукила. Он знал его очень много лет, и эти его слова означали только одно, возлюбленный Скоры, становится под защиту волхва племени.

- Как у тебя отношения с братом? – спросил Вукил.
 - Ещё хуже с прежнего года стали, теперь вот с пастбища гонит.
 - Римляне хорошие воины, – задумчиво промолвил волхв, – очень хорошие.
- Деян опять пристально посмотрел на него:
- Надо мне хорошенько обо всём подумать.
 - Вот и думай вождь, а я пойду уже, спасибо тебе за угощение.
 - Заходи, всегда тебе рад, ты же знаешь.
 - Придёт время, зайду, – волхв кивнул вождю и вышел.

Скора проснулась абсолютно счастливой женщиной. Вчера Марк был с ней неутомимо нежным, она отвечала ему всей своей страстью, и теперь ей просто хотелось ещё немножко понежиться, но его уже рядом не было, опять убежал таскать свой камень. Птицы своим щебетанием в лесу сходили с ума. Скора сладко потянулась и быстро одевшись, встала. Выйдя из дома, она увидела Марка, который с обнажённым торсом поднимал над собой тяжёлый камень. От напряжения его мышцы вздулись и Скора залюбовалась мускулистым телом своего возлюбленного. Марк ещё некоторое время упражнялся с камнем, затем осторожно положил его на место и начал крутить руками в разные стороны, наклоняться, приседать. Скора с интересом наблюдала за ним. Наконец, когда с него ручьями полился пот, Марк успокоился и повернулся. Он увидел Скору и улыбнулся:

- Извини, ты спала, и я не стал тебя будить.
- Ты каждый день теперь будешь таскать этот камень? – улыбнулась она ему в ответ.
- Да, всякий раз, когда это будет возможным, – сказал Марк, подходя к ней.
- Подожди, я принесу тебе полотенце, – Скора отстранилась от его попытки обнять её и вернулась в дом. Через мгновение она вернулась с полотенцем. Марк взял его и пошёл в сторону ручья, но пройдя несколько шагов, остановился и, повернувшись, сказал.
- Скора, я согласен!
- Ты про что?
- Я согласен оставаться у тебя в плену всю свою жизнь, – сказал он и, не дожидаясь её ответа, пошёл умываться.

Скора смотрела ему вслед и улыбалась. На сердце стало легко и спокойно, значит, он её действительно любит и никуда от неё не уйдёт. Марк обернулся и, помахав ей рукой, свернул

к ручью. Скора помахала ему в ответ и прислонилась к двери. От счастья у неё немного кружилась голова. «Надо идти к отцу и всё ему рассказать» – думала она, поглаживая свой животик.

Скора шла домой к отцу. Она думала о том, как ему сказать, что беременна, что нашла своё счастье в объятиях римского воина. Ведь по законам их племени он должен быть два года рабом того кто его пленил. Только после этого он мог обрести свободу и тогда, освобождённый пленник сам выбирал уйти ему или остаться в племени. Хотя Марк ведь не был пленён в бою. С этими тревожными мыслями она вошла в дом. Отец улыбнулся ей:

– Давно жду тебя солнышко моё, – сказал он, обнимая её.

– Тата мне надо с тобой серьёзно поговорить, – сказала Скора, прижавшись к его широкой груди.

– О чём это серьёзном хочет поговорить со мной моя маленькая девочка, – промолвил Деян, целуя свою дочь в голову.

– Тата, я уже давно взрослая, – обидчиво поджав губки, ответила она.

– Ладно, давай сядем, и ты мне всё расскажешь.

Деян уже зная всё, что сейчас ему собиралась рассказать дочка, просто хотел ещё раз убедиться насколько сильны её чувства к избранному ею мужчине.

– Тата, – собравшись духом, начала свой рассказ Скора, – тата, у меня есть мужчина, и я его люблю, – выпалила она.

– Наверно надо быть очень глупым человеком или плохим отцом, чтобы этого не заметить.

– Значит, ты уже всё знаешь, – удивлённо произнесла Скора.

– Я не знаю, я догадываюсь, ну дочка рассказывай мне всё по порядку, – одобрительно улыбнулся ей отец.

Скора рассказала отцу всё, за исключением того, как она приводила Марка в чувство. Деян внимательно наблюдал за своей дочерью. То, как она говорила о своём возлюбленном, не оставило у него и тени сомнения в том, что дочка очень сильно любила этого мужчину и будет с ним счастлива.

– Тата, и я беременна, – густо покраснев и опустив глаза, закончила свой рассказ Скора.

– Он знает?

– Нет ещё, я ему пока не говорила, – не поднимая глаз, ответила дочь.

– Почему?

– Я не хочу стать его женой из жалости.

– Это понятно, – вздохнул отец и стал прохаживаться по дому.

Отец молчал, Скора наконец подняла на него свои глаза. Нет, он не был зол, но о чём-то напряжённо думал, и дочь ему не мешала. Через некоторое время он подошёл к ней опять поцеловал, как в детстве в темечко:

– Я люблю тебя дочка и твоё счастье это и моё счастье, но я ещё и вождь племени.

– И что это значит?

– Ты же знаешь законы, для того чтобы твой римлянин был принят в племя он должен пробыть два года твоим рабом.

– Но я же не в бою его взяла в плен, я нашла его без сознания и выходила.

– Да, да, это так, – задумчиво проговорил Деян, – дочка ты пока побудь дома, покушай, отдохни, а я поеду людей поспрашиваю.

– Хорошо тата.

– Я недолго, – сказал ей отец и вышел.

Скора тяжело вздохнула и осталась сидеть возле стола, кушать ей не хотелось.

Марк, когда Сора ушла, решил заняться заготовкой дров. Взяв топор, он срубил несколько сухих деревьев недалеко от дома, разрубил их и расколол. Дров получилось много, Марк сложил их возле домика. Скоры всё ещё не было, перекусив, он прилёг немного отдохнуть и уснул. Ему опять приснились родители. Они стояли, взявшись за руки:

– Марк, не забывай, что ты римлянин, а Рим славится не только своими военными победами, – сказал ему отец.

– Марк мы любим тебя, с тобой рядом женщина, та единственная с которой ты будешь счастлив всю свою жизнь, береги её, – улыбаясь, сказала ему мама, – теперь я за тебя спокойна, – и они стали исчезать.

– Куда вы, вы ещё придёте, – пытался он спросить их.

– Марк ты забыл, мы погибли во время пожара, когда ты был в Персидском походе, – сказала мама, улыбнулась и они растворились.

Марк вскочил и сел на лежанке. Сердце громко стучало в груди, на лбу выступил пот. Он вспомнил, как после его возвращения с похода соседи показывали ему обгоревшие остатки их дома, где погибли его родители. В тот год в Риме случился большой пожар, который уничтожил треть всего города.

Марк вдруг понял, что ему сейчас надо делать. Он вышел из домика и пошёл к пещере.

Немного посидев, Сора приготовила обед, потом стала прибираться в доме, хотя в нём было чисто. Отца всё ещё не было. Она вышла во двор и стала убираться там. Солнце уже перевалило зенит, когда она услышала стук копыт. Отец приехал, держа за поводья вторую лошадь. Привязав лошадей он, улыбаясь, подошёл к дочери:

– Ладно, дочка всё хорошо, покорми меня, и поедем к твоему римлянину, должен же я когда-нибудь с ним познакомиться.

– Хорошо тата, я быстро, – Сора вся засветилась и убежала в дом.

– Стрекоза, как же ты быстро повзрослела, – уже вслед мелькнувшей за дверью дочке сказал Деян и сел на приступок.

Через несколько мгновений из-за двери послышалось:

– Тата иди обедать, у меня всё готово.

– Торопится, соскучилась голубка, – вздохнув, промолвил он и пошёл в дом.

Во время обеда отец рассказал Соре, что ездил посоветоваться со старейшинами других родов. Он рассказал им всё в целом, не называя имён.

Случай был сложный, такого никогда не было, но старейшины решили, что в такой ситуации мужчина не является пленником и может уйти в любое время, но для того чтобы жениться на девушке из нашего племени должен прожить в нём не менее двух лет. Сора довольно улыбалась, всё шло хорошо.

– Ладно, дочка поехали уже, а то я вижу, вся извелась, – произнёс Деян, закончив трапезу.

– Тата подожди меня немножко, я быстро.

– Давай, давай наряжайся, – угадал он желание своей дочери и вышел во двор.

Сора вышла в синем сарафане, белой вышивной рубаше, поверх неё лисья накидка, льняные волосы были повязаны, синей лентой. Синие глаза делали её девичью красоту неотразимой

– Ох и красавица ты у меня, – истинно восхищаясь, воскликнул отец.

– Поехали тата, – краснея, засмушалась Сора.

Деян посадил дочь на лошадь, сам сел на другую и они поехали.

Марк без труда нашёл пещеру и в ней свою амуницию, так же в его руках оказался свиток. Он вернулся в домик и первым делом развернул его и прочитал:

*Меммия милому сыну, которого ты пожелала
Всеми дарами почитать и достоинством щедро украсить;
Даруй поэтому ты словам моим вечную прелесть,
Сделав тем временем так, чтоб жестокие распри и войны
И на земле, и в морях повсюду замолкли и стихли.
Ты ведь одна, только ты можешь радовать мирным покоем
Смертных людей, ибо всем военным делом жестоким
Ведает Марс всеоружный, который так часто, сражённый
Вечною раной любви, на твоё склоняется лоно;
Снизу глядя на тебя, запрокинувши стройную шею,
Жадные взоры свои насыщает любовью, богиня,
И, приоткрывши уста, твоё он впивает дыханье.
Тут, всеблагая, его, лежащего так, наклонившись
Телом священным своим, обоими и, отрадные речи
С уст изливая, проси, достославная, мира для римлян,
Ибо ни мы продолжать работу не можем спокойно
В трудные родины дни, ни Меммия отпрыск не смеет
Этой тяжёлой порой уклониться от общего дела.*

Марк взволнованно стал ходить по домику, он вспомнил этот свиток «О природе вещей» написанный Титом Лукрецием Кар. Он вспомнил себя, как случился обвал и камень, который ударил ему в голову. Марк понял, его предали, бросили, бросили своего центуриона, ради нескольких слитков золота. Скоря спасла его и выходила. Он оделся в свою военную амуницию и достал из ножен свой меч. Меч поблёскивал холодной сталью. Очень удобная рукоятка делала его продолжением руки. Марк ловко проделал несколько упражнений, имитируя удары и защиту. Руки и тело ничего не забыли. Марк сел возле домика и положив меч рядом с собой, и продолжил читать свиток.

Отец ехал впереди, тропинка была узкая, Скоря ехала за ним. Её сейчас волновал только один вопрос, который она боялась задавать даже самой себе: «Есть ли у Марка семья, там в его мире, ведь если у него там есть жена и дети, то он обязательно вернётся к ним?». Скоря казалось, что за это время она уже хорошо узнала его. Марк был из тех мужчин, которые чтут семью и дорожат ею. Скоря опять успокоила себя: «Будь, что будет, самое главное я люблю его, и мой ребёнок будет рождён от любви». Она опять погладила свой животик.

Они уже почти подъехали к домику и спешившись, отпустили своих лошадей попасться. Пройдя несколько десятков шагов, Скоря и её отец повернули к жилью колдуньи. Возле домика сидел римский воин, одетый в свою амуницию и что-то читал. Это был Марк. «Значит, он сходил в пещеру и теперь уже точно всё вспомнил», – заволновалась Скоря. Он был настолько увлечён чтением свитка, что заметил их приближение, только когда до них оставалось шагов десять. Марк встал, в правой руке он держал свиток, его меч и шлем лежали рядом на камне. Он улыбнулся Скоря и посмотрел на её отца.

Деян увидел перед собой римского центуриона, который встречал его не с мечом, а со свитком в руках. Вождь свевов знал, что в римской армии просто так звание центурионов не присваивают. Марк опять посмотрел на Скорю, явно любясь её новым нарядом. Его глаза светились любовью к ней, она сразу успокоилась и подошла к любимому, они быстро поцеловались:

– Марк это мой отец, он хотел с тобой познакомиться и поговорить, – сказала Скора, прижавшись к его плечу.

– Меня зовут Деян, дочь мне много рассказывала о тебе.

– Я Марк Флавий центурион Первого Иллирийского легиона и я люблю вашу дочь, – спокойно, с достоинством, глядя прямо в глаза ответил Марк.

– Я рад, что к тебе вернулась память, – улыбнулся Деян, ему сразу понравился этот римлянин, в его чистых глазах не было видно ни одной капли высокомерия и фальши, – что ты намерен делать.

– Я её пленник, – улыбнулся Марк, показывая на Скору, – и буду делать всё, что она скажет.

– Ладно, вы тут поговорите, я сейчас приду, – сказала Скора, чмокнула Марка в щёку и пошла к дому.

– Скора, тебе очень идёт твой новый наряд, – сказал Марк ей в след.

Она повернулась и показала ему язык, мужчины улыбнулись.

– Расскажи мне, что с тобой произошло, – попросил Деян, присаживаясь на камень, – ты ведь теперь уже всё вспомнил.

– Да, почти всё, – ответил Марк, присаживаясь рядом.

Скора зашла в дом и закружилась. Она ликовала. Марк всё вспомнил и остался с ней, значит, у него никого нет, и он любит только её. Она была счастлива. Ей хотелось петь и плясать, она еле сдерживала себя. Что бы занять себя чем-то, Скора стала готовить ужин для своих самых любимых в мире мужчин. Иногда она выглядывала в дверь отец и Марк о чём-то беседовали, было видно, что ониладили. Скора просто светилась от счастья. Она уже приготовила ужин, а мужчины всё ещё разговаривали. Немного посидев возле стола, она решительно вышла из дома.

– Я уже всё приготовила, идите ужинать.

Мужчины молча посмотрели на неё.

– Дочка, спасибо, но я поеду, – сказал отец, – да и не нужен я вам сейчас, – улыбнулся отец.

– Тата! – покраснев, воскликнула Скора.

– Ладно, дочка, мы тут с Марком кое-что придумали, надо всё обсудить со старейшинами, – ответил он ей, а затем, уже обращаясь к Марку, – через неделю жду вас.

– Хорошо мы приедем, – ответил Марк.

Отец протяжно свистнул и сразу послышался топот копыт, он запрыгнул на вороного коня:

– Белую возьми себе Марк, она твоя.

– Благодарю, – улыбнулся Марк, взяв за поводья подаренную кобылу.

Деян махнул рукой и, пришпорив вороного, поскакал домой.

Когда отец скрылся Скора прижалась к Марку:

– Я очень боялась того, что когда к тебе полностью вернётся память, ты вспомнишь, что у тебя есть семья.

– Нет у меня никого кроме тебя, – говорил задумчиво Марк, обнимая любимую.

– Я люблю тебя, – Скора положила ему на грудь свою голову и слушала, как у него в груди бьётся сердце. Оно билось спокойно, уверенно, сильно, теперь Скора знала, что это сердце бьётся только для неё, и она решила:

– Марк мне надо тебе что-то сказать, – негромко произнесла она, не отрывая своей головы от его груди.

– О чём?

– У нас будет малыш...

Скора услышала, как после этих слов его сердце начало стучаться сильнее. Марк, как-то уже совсем по другому, более нежно, прижал её к себе, и стал гладить своей щекой её волосы. Теперь их сердца стучали вместе и одинаково быстро. Вокруг пели птицы, в голубом небе светило солнце, где-то далеко шли войны, а они просто стояли, обнявшись, и не было никого счастливей их на этой земле.

Марк молча гладил её волосы и Скору этого было достаточно, для того чтобы понять, он рад этому ребёнку.

– Пойдём ужинать, – сказала Скора, слегка отстранившись от него.

– Это будет моё, наше, первое, и надеюсь не последнее дитя – и Марк прильнул к её губам.

За ужином он попросил Скору рассказать ему о том, как у них в племени строится семейная жизнь и вообще о взаимоотношениях мужчины и женщины. Скора поведала ему о том, что в поверьях её племени учитывается разница мироощущения между мужчиной и женщиной. Женщина думает вширь, мужчина в глубину. Женщина ассоциируется с плодородием земли. Мужчина с деревом, произрастающим на этой земле. Женщина питает своей энергией мужчину, он же покрывает и защищает её от всех невзгод и чем лучше женщина питает своего мужчину, тем сильнее крепче он становится.

– Тогда мужчина должен относиться к своей женщине, как к Богине, – заметил Марк, внимательно слушая Скору.

– Так оно и есть, – улыбнулась она, – по сути женщина в их племени воплощение земной богини тепла и света с того момента когда она становится женщиной.

– А с какого момента?

– До двенадцати лет девочка считается – чадом, с двенадцати до шестнадцати – вестой, а уже потом не вестой, понимаешь. Но, настоящей женщиной девушка нашего племени становится, когда выходит замуж и рождает дитя. А у вас разве по-другому?

– Да у нас всё не так, – ответил задумчиво Марк.

Они поужинали и вышли из дома. Марк смастерил небольшую скамейку возле дома, посадил на неё Скору, вернулся в дом за лисьей накидкой, укрыл ею свою возлюбленную и сел рядом. Скора с нежностью наблюдала за его заботой и когда Марк сел рядом положила свою голову ему на плечо:

– Мне так хорошо с тобой, – тихо сказала она.

– И мне с тобой, – ответил он, прижавшись щекой к её голове.

Они сидели и смотрели в звёздное небо. Как же порой бывает хорошо просто так сидеть рядом с любимым человеком.

Слушая рассказы Скоры о своём племени, Марк с удивлением для себя отмечал, что хотя для римлян они варвары, но свевы были более чисты в своих помыслах и желаниях. Они были язычниками, как и римляне, верили в своих богов, но всё же больше почитали своих предков. Жили большими семьями, дружно, почитая старших, заботясь о младших и немощных. Каждый взрослый был равноправным членом семьи и никогда не становился собственностью её главы, как было у римлян. Во главе семьи стояли муж и жена. Причём во всём, что касалось домашней работы, главной была жена, все ей подчинялись, а она творила лад в семье. Муж был главным во всём, что было за пределами домашнего очага. Конечно, иногда между ними возникали споры, но для этого у них был специальный день, он назывался днём милования.

В этот день откладывались все домашние дела. Супруги оставались дома одни. Они откровенно говорили друг другу о своих обидах, и просили прощения за свои ошибки, расска-

зывали о своих переживаниях в связи с тем или иным поведением супруга, о том, что им было приятно или неприятно. Обсуждали вопросы воспитания детей, взаимоотношений с родителями и другими родственниками, делились тем, чего им не хватает в их отношениях. Они не выходили из дома до тех пор, пока все вопросы не были решены, пока каждая из сторон не чувствовала себя удовлетворённой состоявшимся общением, но при этом они были ограничены во времени. Милование должно было закончиться к вечеру или, в крайнем случае, к утру следующего дня, поэтому супруги по каким-то вопросам просто шли на уступки друг другу.

Марк никогда не видел, чтобы его родители когда-нибудь ссорились или ругались. Наоборот, он видел очень трепетное отношение отца к его маме. Однажды отец сказал ему: «Марк, наши боги живут высоко и часто бывают заняты своими интригами и им нет до нас дела, поэтому чаще молись на того, кто с тобой рядом, совсем рядом, на свою жену, когда она у тебя появится». Марк хорошо помнил, что мама боготворила его отца, хотя они были очень разные.

Из всех рассказов Скоры, Марк понял, что в их племени супруги обожествляют друг друга при жизни и ни о каком-либо прелюбодеянии речи вообще не шло. Супружеская пара сохраняла верность на протяжении всей жизни. Он сразу вспомнил Грецию, с её поклонению красоте тела человека, но на деле все эти прекрасные статуи и стихи были посвящены не жёнам, а любовникам и любовницам. Предназначение жены у греков было одно, рожать и воспитывать детей, римляне всё это переняли, женщина в римских семьях, как правило, в соответствии с римским правом, была собственностью мужа. У свевов женщина обладала правом выбора, если она считала, что её не достаточно любили, и если другой мужчина обещал сделать её счастливее, она могла уйти к нему. Правда таких случаев Скора не помнила.

Было раннее утро. Марк проснулся один, видимо, Скора опять убежала освежиться под водопад. Марк принялся делать зарядку, и уже заканчивая её, он вдруг почувствовал какое-то сильное внутреннее волнение. Долго не раздумывая, прихватив с собой меч, Марк бросился к водопаду. Пробежав шагов двести по лесной тропинке почти до самого водопада, Марк услышал крик Скоры, он сразу бросился к ней. Выскочив из леса, Марк увидел, шагах в двадцати от себя двух вооружённых мужчин, которые пытались овладеть Скорой прямо в воде, она отчаянно сопротивлялась и кричала. Марк взревел и бросился выручать свою возлюбленную. Его крик был страшен, ещё более страшными были его удары мечом. Первый мужчина, который попытался сопротивляться был убит Марком в несколько мгновений. Второй огромный здоровяк, вытащив свой меч, попятился, и был уже готов к схватке. Марк начал осыпать его ударами, но внезапно этот здоровяк просто рухнул. Это Скора метнула в него камень, который попал тому в затылок.

Марк бросился к любимой. Она была совершенно без одежды, на её теле было несколько ссадин. Марк обнял и прижал к себе Скору, сердце его безумно колотилось. Именно сейчас его душа сделала окончательный выбор в этом огромном мире она нашла своё место, и это место было рядом со Скорой и только с ней.

– Как ты? – спросил её Марк.

– Всё хорошо, прости, они напали внезапно, когда я купалась.

– Тебе не следовало уходить одной.

– Пожалуй ты прав, – Скора стала одеваться.

– Он ещё жив, – отметил Марк, подойдя к здоровяку.

– Это не свевы, они говорили на неизвестном мне языке, – сказала Скора и тоже подошла к лежащему здоровяку.

– Интересно кто они и, что здесь делают, давай вытащим его на берег и свяжем.

Вытащив из воды пленника и связав ему руки и ноги, Марк ударил его несколько раз ладонью по щекам, тот застонал, но в себя так и не пришёл.

– Слишком тяжёлый, мы его не дотащим, – произнёс задумчиво Марк.

– А зачем он нам?

– Мы должны узнать кто они и, зачем они здесь.

– Может, я за лошадью сбегая? – спросила Скора.

– Нет, одну я тебя больше никуда не отпущу, давай оттащим его в кусты, сходим за лошадью и, затем вернёмся за ним.

Спрятав пленника и убитого в кустах, Марк и Скора направились к домику. Идя рядом по лесной тропинке, они просто молчали. Наконец Скора не выдержала и спросила:

– А как ты оказался у водопада?

– Я делал зарядку и что-то почувствовал. Я знал, где ты можешь быть и побежал к тебе, а потом услышал твой крик.

Скора улыбнулась, сорвала несколько цветков и, смеясь, побежала вперёд:

– Я люблю тебя Марк, люблю, – она подпрыгивала, кружилась и опять подпрыгивала, – люблю, я люблю, – слышалось на всю округу.

Марк смотрел на это действие и улыбался:

– Какая ты всё-таки ещё девчонка, – крикнул он ей

– Да я девчонка, твоя девчонка и я люблю тебя, люблю!

Скора продолжала кружиться впереди на тропинке и вдруг замолчала и исчезла. Марк продолжал идти, её нигде не было. Он остановился и стал оглядываться:

– Скора ты где? – громко спросил он.

– Милый, иди ко мне, – слышалось из высокой травы рядом с тропинкой.

– Хватит баловаться, ты у меня сейчас получишь.

– Причём всё, что захочу, – слышалось из травы.

Марк прошёл несколько шагов на голос.

Скора лежала на траве без одежды. В её глазах лучились чёртики, губы были зовуще полуоткрыты, соски налились желанием, животик и заветный треугольник манили и звали Марка. Он сбросил одежду и погрузился в этот зов любви. От страсти у Скоры внутри всё дрожало, у неё кружилась голова, и ей казалось, что они с Марком летят среди белых пушистых облаков.

Они лежали и смотрели на причудливые облака в небе.

– Я хотел бы, чтобы кроме этих облаков и нас никого не было, – задумчиво произнёс Марк.

– А маленький, ты забыл про малыша, – склонившись над ним, спросила Скора.

– Ну и малыш конечно, – улыбнувшись, ответил Марк.

– А кого ты хочешь?

– Я хочу дочку, такую же красивую, как ты.

– Нет, Марк у нас будет сын, воин, – ответила Скора и села, – ты не забыл, что сегодня мы должны ехать к моему отцу?

– Нет, не забыл, надо прихватить с собой и пленника, – и они стали одеваться.

Вернувшись в домик, Скора переделась в свою праздничную одежду, а Марк одел форму центуриона и, прихватив с собой длинную верёвку, на лошади вместе со Скорой вернулся к водопаду за пленником. Здоровяк уже очнулся. Когда он увидел перед собой римского воина в полной амуниции и с оружием, очень сильно испугался и что-то стал говорить на своём языке.

Марк начал разговаривать с ним на языке римлян. Пленник отвечал ему и от страха просто трясся. Закончив допрос, Марк сказал:

- Это один из тех негодяев, которые устроили тот каменный обвал.
- А что они делают на нашей земле? – удивлённо спросила Скора.
- Они грабят ваше племя, ладно поехали.

С этими словами Марк привязал пленника на длинной верёвке к седлу, вскочил на лошадь, подал руку Скору, посадил её впереди себя и они направились к дому вождя племени свевов.

В пути Марк рассказал Скору о том, что пленник узнал в нём римлянина, который должен был погибнуть под камнепадом и сильно испугался мести. Тогда он припугнул его тем, что сейчас они поедут к своим друзьям, которые ещё более жестоки, чем римляне. Пленник от страха сознался в том, что он и его приятели моют золото в реке на землях свевов.

– Они не даки, а сбежавшие рабы, хотя пришли из Дакии, их там тридцать мужчин и шесть женщин.

– А эти двое, что здесь делали? – спросила Скора.

– Он говорит, что в последнее время у них стали часто возникать ссоры при делёжке намытого золота, эти двое решили спуститься вниз по реке и поискать его самостоятельно.

– И что ты намерен делать?

– Про золото я уже рассказал твоему отцу, и мы сейчас едем на совет старейшин вашего племени.

– Ты не боишься?

– Чего я должен бояться, насколько я понял, ваше племя никогда не воевало с римлянами.

– Это да, но ты ведь чужой для свевов.

– Я твой пленник, думаю, что ты сможешь меня защитить, – усмехнулся Марк.

– Конечно милый, – Скора быстро поцеловала его, потому что они уже подъезжали.

Марк подъехал к дому, который указала Скора. Дом вождя был больше и выше, чем другие, но так же одноэтажный. Возле большого крыльца с навесом были сделаны коновязи, около них рядом с лошадьми стояло десятка два вооружённых мечами воинов

– Доброго всем здоровья, – поздоровалась Скора.

– И тебе Скора доброго здоровья, – отвечали воины, с любопытством поглядывая на Марка.

Он остановил лошадь, спрыгнул с неё и после этого снял Скору. Оказавшись на земле, она обратилась к одному из воинов:

– Гордан, возьми пока моего пленника, – и дёрнула верёвку, за которую был привязан здоровяк. Тот испуганно озираясь, подошёл к Гордану, не менее здоровому воину.

– Скора проходи со своим женихом в дом, вас уже ждут, – сказал Гордан.

– Хорошо, – кивнула девушка, – пошли Марк, – и задрал свой носик, прошла мимо улыбающихся мужчин.

Марк, проходя мимо воинов, кивнул им со словами: «Доброго всем здоровья». В ответ ему были только кивки, но во взглядах воинов был интерес и никакой ненависти или злобы.

Марк зашёл вслед за Скорой в дом. В большом зале, освещённом светильниками, за длинным широким столом сидело восемь старейшин во главе с Деяном.

– Доброго здоровья всем, – поздоровалась Скора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.